

Published in the Russian Federation.

Russian Turkology (Previous Name: *Soviet Turkology*, was founded in 1970)

Has been issued as *Russian Turkology* since 2009; ISSN: 2079-9160; E-ISSN: 2712-8121
2025. № 1–2 (46–47), pp. 36–67. Journal homepage: <http://rosturcology.ru/>

УДК/UDC: 811.512.19

DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-36-67

СОЦИАЛЬНОЕ И ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ И КИТАЯ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНА *QUNČUJ*)

*Дмитрий Владимирович Рухлядев*¹

¹ Институт языкознания РАН, Москва, Россия
кандидат исторических наук
e-mail: rukhladev@mail.ru

© ИЯз РАН, 2025

© Рухлядев Д.В., 2025

Аннотация: Статья посвящена истории термина *qunčuj*, первоначально возникшего в Китае (*gōngzhǔ* ‘принцесса’), а затем распространившегося в Центральной Азии в форме *qunčuj*. Представлен краткий очерк истории дипломатических браков между Китаем и северными кочевниками (в т. ч. тюрками) начиная с хуннской эпохи до времен уйгуров, в которых китайские невесты именовались *gōngzhǔ*. Устанавливается, что тюркский термин *qunčuj* имел три основных значения: 1) дочь/родственница правителя/знатного лица, 2) супруга правителя / знатного лица, 3) женщина княжеского достоинства – т. е. все они восходят к общему понятию ‘принцесса’. В разные исторические периоды какое-либо из них преобладало над остальными, однако общей тенденцией был переход от узкого ‘дочь правителя’ до широкого, но более «сниженного» ‘знатная женщина’, ‘жена’ и ‘женщина’.

Помимо *qunčuj*, в статье анализируется китайский термин *quj* ‘женские покои’, употребляющийся в енисейских памятниках в составе устойчивого словосочетания *qujda qunčujit* (‘мои принцессы в женских покоях’).

Ключевые слова: древние тюрки, Китай, принцесса, дипломатические браки, тюркские рунические памятники, женские покои, супруга, родственница, заимствование, титулатура.

Благодарность: Автор благодарит за помощь в работе над статьей Н. Базылхана, И. Галамбоша, П. Голдена, А.В. Дыбо, И.В. Кормушина, В. Мейра (Мэйра), И.А. Невскую, Ф. Рыбацкого, Н. Симса-Вильямса, Т. Текина, Хатидже Ширин Усэр, П. Циме, М. Эрдала.

Для цитирования: *Рухлядев Д.В.* Социальное и языковое взаимодействие древних тюрков и Китая (на примере термина *qunčuj*) // *Российская тюркология*. 2025. № 1–2 (45–46). С. 36–67. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-36-67.

**Social and linguistic interactions
between the ancient Turks and China
(using the term *qunčuj* as an example)**

***Dmitriy Vladimirovich Rukhlyadev*¹**

¹ Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

Ph.D. in History

e-mail: rukhlyadev@mail.ru

© IL RAS, 2025

© Rukhlyadev, D.V., 2025

Abstract: The article considers the history of the term *qunčuj*, which originally appeared in China (*gōngzhǔ* “princess”) and then spread to Central Asia in the form *qunčuj*. It begins with a brief overview of the history of diplomatic marriages between China and the northern nomads (including the Turks) from the Xiongnu era to the Uyghurs, during which Chinese brides were called *gōngzhǔ*. It is established that Turkic *qunčuj* was characterized by a triad of meanings: (1) daughter/kinswoman of a ruler/nobleman; (2) spouse of a ruler/nobleman; (3) woman of princely title, all going back to the general concept of “princess”. At different periods, individual parts of the triad could be expressed to varying degrees, with one meaning or the other predominating. The general trend was to extend and “downgrade” the meanings of these individual parts – from the narrow “ruler’s daughter” to “noble woman”, “woman”, and “wife”.

In addition to *qunčuj*, the article analyzes the Chinese term *quj* “women’s quarters” used in the Yenisei monuments as part of the set phrase *qujda qunčujim* (“my princesses in the women’s quarters”).

Keywords: ancient Turks, China, princess, diplomatic marriages, Turkic runiform monuments, women’s quarters, spouse, kinswoman, borrowing, titles

Acknowledgement: The author would like to thank the following people who helped make it possible for this article to be completed: N. Bazykhan, I. Galambos, Peter B. Golden, A.V. Dybo, I.V. Kormushin, Victor H. Mair, I.A. Nevskaya, V. Rybatzki, N. Sims-Williams, T. Tekin, Hatice Şirin User, P. Zieme, M. Erdal.

For citation: *Rukhlyadev, D.V. Social and linguistic interactions of ancient Turks and China (using the term *qunčuj* as an example) // Russian Turkology. 2025. No. 1–2 (45–46). Pp. 36–67. DOI 10.37892/2712-8121-2025-46-47-36-67.*

В ряду многочисленных заимствований «культурных слов» древними тюрками у китайцев есть термин *qunčuj*¹, смысл и значение которого, в общих чертах улавливаемые с самого начала, долгое время оставались не до конца проясненными. Ниже мы попытаемся на основе сравнительного анализа дать более полное объяснение этого термина и показать его исторические связи. Для этого мы сначала рассмотрим его бытование в китайском языке (источнике заимствования), затем словоупотребление и трансформации в древнетюркском и, наконец, социальные контексты, которые привели к этим трансформациям.

По мнению большинства исследователей, древне- (и средне-) тюркский термин *qunčuj* восходит в конечном итоге к китайскому 公主 *gōngzhǔ* ‘дочь им-

¹ Написание всех тюркских слов дается в единой транскрипции, за исключением случаев прямого цитирования.

ператора, принцесса, царевна, княжна' [ДТС: 466; Дыбо: 792; Кононов: 162; Кормушин 2008: 258–259; Малов 1951: 415; Малов 1959: 98; Радлов, стлб. 915–916; Радлов, Мелиоранский: 21, прим. 5; ЭСТЯ 2: 150; АТИМ: 460; Aydın 2008: 119; Bang: 247; Bang, Gabain 1931: 38; Bazin: 39; Bazylkhan, 288; Clauson: 9; Cleaves: 48, n. 70; p. 109, n. 73; Doerfer: 561; EDT: 635; Erdal 2004: 4, n. 6; Gabain 1950: 331; Gabain 1959: 58; Ligeti: 128; Orkun: 76, 442, 843; Ölmez: 59; Pelliot 1912: 585, n. 1; Pelliot 1914: 269; Räsänen: 301; Rybatzki: 508; Tekin 1988: 151; Wilkens: 423]².

Титул *gōngzhǔ* отмечен в китайском языке довольно рано – он встречается, например, у Сыма Цяня (145–86 до н. э.). Это сложное слово, состоящее из двух лексем: 公 (*gōng*) и 主 (*zhǔ*). Словарные значения *gōng*: 'министр, герцог; господин; дед, отец, свекор, старший брат мужа; государев, императорский, княжеский' [БКРС 4: 956], «самый высший чиновный сан; князь; принц; герцог; господин» [Иннокентий 1: 211–212], «князь, владыка; министр, сановник, господин; высший, княжеский» [Палладий I: 131–132], «князь; господин» [СДИ: 23, 240], «представитель высшего ранга знати, герцог; благородный человек, владыка, господин» [Giles: 828–830], «герцог; принц» [Hucker: 290], «отец, князь» [Karlgrén: 302], «герцог, господин; свекор» [MCED: 544], «герцог, князь; свекор» [MDBG], «князь, герцог; отец» [Pulleyblank: 108], «мужчина старшего поколения или более высокого ранга, к которому следует относиться почтительно; отец, дядя; глава клана; князь, герцог» [Schuessler 1987: 197; Schuessler 2007: 255–256], «мужчина, принадлежащий к старшему поколению или более высокому рангу; герцог; дед; свекор» [Wiktionary]. Согласно этимологической справке С.Е. Яхонтова для «Древнетюркского словаря», в северо-западном диалекте китайского языка IX в. н. э. (по реконструкции Ло Чан-пэя) это слово произносилось *koŋ* [ДТС: 466; Кормушин 2008: 258–259]. Согласно Б. Карлгрэну, в среднекитайском оно звучало как *kung* [Karlgrén: 302], Э. Пуллиблэнку – *kəwŋ* [Pulleyblank: 108], У. Бакстеру – *kuwng* [Baxter: 759], А. Шюesslerу – *kuŋ* [Schuessler 1987: 197; Schuessler 2007: 255]. Его звучание в древнекитайском восстанавливается как **kung* [Karlgrén: 302], **kong* [Baxter: 759], **kuŋ*, **klun* [Schuessler 1987: 197]; *koŋ*, *kōŋ* (<**kloŋ*) [Schuessler 2007: 255]. У. Бакстер и Л. Сагарт связывают это слово с 翁 *wēng* «старик» (древнекитайское **q'ōŋ*) [Baxter, Sagart: 365]; STEDT предвари-

² По А. фон Габэн, *qun* вместо ожидаемого *quŋ* есть, скорее всего, некий вид ассимиляции [Gabain 1959: 58]. По И. Эчеде, соединение медиальных *ŋ-č* при заимствовании упростилось; появление конечного *-j*, вероятно, было вызвано диалектными причинами [Ecsedy: 88 with n. 27; ср. Ligeti: 128]. Согласно А.В. Дыбо, по фонетике форма *gōngzhǔ* – среднекитайская; слово заимствовано в древнетюркский (где среднекитайская медиаль была передана как дифтонг), а из древнетюркского – в язык-предок тувинского и тофаларского, где оформилось «стандартным аффиксоидом» [Дыбо: 792]. По мнению И.В. Кормушина, китайские реконструкции не объясняют сонантов в тюркских формах – средняяязычного *j* в древнем и велярного *ɣ* в современных языках. Он полагает, что, если конечный сонант в тюркских формах исконный (причем велярная форма должна быть старше палатальной), то, возможно, это объясняется более ранним, чем среднекитайский период, временем заимствования [Кормушин 2008: 259].

тельно устанавливает прото-сино-тибетскую форму **kaŋ* «отец, дед»³ [STEDT: 754–755].

Словарные значения второго слова – *zhǐ* – таковы: «хозяин, владелец, глава [семьи], господин (для домочадцев, слуг); распорядитель, начальник, глава [государства], государь, владыка; принцесса; возглавлять, ведать, управлять, брать на себя» [БКРС 2: 167], «владыка, господин, хозяин; государь, правитель, управитель; управлять» [Иннокентий 2: 698], «владыка, господин, хозяин; управлять, распоряжаться» [Палладий II: 421–422], «хозяин; князь» [СДИ: 32], «хозяин; управлять; главный» [DeFrancis: 1290], «хозяин, владелец, господин; суверен, правитель; возглавлять; управлять делами» [Giles: 314–315], «хозяин, начальник; правитель» [Hucker: 179], «хозяин, господин; принцесса; управлять» [Karlgren: 54], «господин, хозяин, владелец; правитель» [MCED: 186], «владелец, хозяин, господин; главный» [MDBG], «хозяин, господин, владелец» [Pulleyblank: 414], «хозяин, ответственное лицо» [Schuessler 1987: 852; Schuessler 2007: 626], «владелец, хозяин, господин; отвечать за что-то» [Wiktionary]. По уже упоминавшейся справке С.Е. Яхонтова, в IX в. это слово произносилось *čy* [ДТС: 466; Кормушин 2008: 258–259]. Его среднекитайское звучание – *tšju*: [Karlgren: 54], позднесреднекитайское – *tšyǎ*, раннесреднекитайское – *teuǎ'* [Pulleyblank: 414], *tsyuX* [Baxter: 810], *tšju* [Schuessler 1987: 852], *tšju^B* [Schuessler 2007: 626]. Реконструируемые древнекитайские формы: **tju* [Karlgren: 54], **tjo?* [Baxter: 810], **tjugx*, **tju?* [Schuessler 1987: 852]; *tso^B*, **to?* [Schuessler 2007: 626].

В составе титулов *zhǐ* нередко мог обозначать знатных лиц женского пола: 太主 *tàizhǐ* «царевна» (太 *tài* «великий») [Палладий II: 422], 宮主 *gōngzhǐ* «принцесса» (宮 *gōng* «дворец») [MCED: 544], 貴主 *guìzhǐ* «принцесса, дочь императора» (貴 *guì* «знатный, благородный») [БКРС 4: 676], 翁主 *wēngzhǐ* «княжна, принцесса (дочь местного князя)» (翁 *wēng* «старший мужчина, отец» – упоминавшийся выше в связи с *gōng*-ом термин) [БКРС 3: 117], 王主 *wángzhǐ* «дочь государя, принцесса» (王 *wáng* «царь») [БКРС 2: 155], 郡主 *jùnzǐ* «принцесса, великая княжна» (郡 *jùn* «округ, удел») [БКРС 2: 776], 內主 *nèizhǐ* «супруга, госпожа» (內 *nèi* «внутренний, домашний») [БКРС 3: 325]⁴.

Рассмотрим словарные значения сложного титула *gōngzhǐ*: «дочь императора, принцесса, царевна» [БКРС 4: 956], «дочь императора, императорская прин-

³ Ср., между прочим, древнетюркское *qaŋ* «отец». В последнем Ш. Текин выделял корень *qa* (как в сочетании *qa qadaš*), возводимый Габэн к китайскому 家 *jiā* «семья» [ЭСТЯ 1: 258; Gabain 1959: 47], и аффикс -*ŋ*. В среднекитайском *jiā* обычно реконструируется как *ka* [Karlgren: 28]; *kæ* [Baxter: 766]; позднесреднекитайское *kja:*, раннесреднекитайское *kai/ke:* [Pulleyblank: 143]; *ka* [Schuessler 1987: 284] и т. п.; в древнекитайском для него предполагают форму **kra* [Baxter: 766]; **kâ* [Karlgren: 28]; **krag*, **kara* [Schuessler 1987: 284]; *ka*, **krâ* [Schuessler 2007: 300]. *Kuŋ* «старший родственник-мужчина» морфологически и семантически кажется ближе к древнетюркскому *qaŋ*, чем *ka* «дом, семья».

⁴ Существовали и структурно аналогичные «мужские» титулы, например, 公子 *gōngzǐ* «сын князя, принц» (子 *zǐ* «сын») [БКРС 4: 958]; 太子 *tàizǐ* «наследник престола, наследный принц» [БКРС 3: 645]; 貴子 *guìzǐ* «сын знатных родителей» [БКРС 4: 677]; 王子 *wángzǐ* «княжеский сын, наследник; принц» [БКРС 2: 156] и т. п.

цесса» [Иннокентий 1: 212]; «царевна; принцесса» [Иннокентий 2: 698], «принцесса, княжна, царевна» [Палладий I: 131; Палладий II: 422], «дочь императора, принцесса» [СЦ VI: 466], «принцесса» [DeFrancis: 311], «дочь императора, [императорская] принцесса» [Giles: 314, 829], «принцесса, императорская принцесса» [Hucker: 291], «принцесса» [MCED: 187, 544], «принцесса» [MDBG], «императорская принцесса, дочь императора» [Pelliot 1914: 269], «принцесса» [Porre: 165], «принцесса, дочь императора» [Rybatzki: 508], «дочь монарха, принцесса» [Wiktionary]. Этот титул вошел в языки синоцентричного мира (корейский, маньчжурский, японский, вьетнамский), а также в монгольский и тибетский языки⁵.

Таким образом, самым распространенным или, точнее, самым «заметным» значением *gōngzhǔ* является «принцесса». Г.А. Джайлз приводит в своем словаре любопытную этимологию, которая гласит, что принцесс называли так потому, что император не мог «заключать» (*zhǔ*) их бракосочетания, а обязан был поручать делать это князю из императорского рода (*gōng*). В связи с этим, *gōngzhǔ* значит «та, чей брак заключен князем» [Giles: 829]. Это объяснение напоминает «традиционную» китайскую этимологию, и трудно судить, насколько оно правомерно. По любезному сообщению Виктора Мейра⁶, у него могут иметься основания: в каноническом конфуцианском тексте «Гунъян чжуань» («Комментарий Гунъяна») (V в. до н. э.) сказано, что Сын Неба не мог выдавать дочь замуж за местного князя, поскольку два семейства должны были быть одинакового ранга. Он, следовательно, должен был обращаться к князю из того же клана, что и он сам, чтобы тот брал на себя «заклучение» (*zhǔ*) этого брака. Обычное обозначение князя – 公 *gōng*, отсюда название царской принцессы – 公主 *gōngzhǔ* («та, чей брак заключен князем»)⁷. Такое объяснение, продолжает Мейр, все еще могло бы быть «традиционной» (или народной) этимологией, если бы не тот факт, что дочь местного князя могла быть выдана замуж своим отцом, которого иногда называли 翁 *wēng*, а его дочь-принцессу – 翁主 *wēngzhǔ* («та, чей брак заключен отцом»). Допустим и титул 王主 *wángzhǔ* («устроенная ваном (царем)»), но, вероятно, больше в теории. Отсюда можно заключить, что объяснение титула

⁵ Титул *qinčuj* известен также в среднеперсидском (*χίνčūi*, *χίνžūi*, *χίνžūiy*) [Doerfer: 561; Ecsedy: 88; Ligeti: 128], согдийском (*γwnčwyh*) [Ecsedy: 88; Ligeti: 128; Rybatzki: 508], бактрийском (*χινζωιο*) [Erdal 2004: 4, n. 6; Golden 2013: 29; Rybatzki: 508; Sims-Williams 2002: 233; Sims-Williams 2007: 277] и ваханском (*xinžó*) языках [Golden 2013: 29; Sims-Williams 2002: 233]. Обычно иранские слова считаются заимствованиями из древнетюркского, хотя М. Эрдал предполагает, что бактрийское *kinžuy* может в действительности быть более архаичным, чем древнетюркское *qinčuj*, исходя из формы этого термина в раннесреднекитайском; бактрийская рукопись, в которой *kinžuy* появляется семь раз в отношении халаджской принцессы, датируется 711 г., что делает ее синхронной орхонским надписям [Erdal 2004: 4, n. 6].

⁶ В личной переписке – электронное письмо от 22.02.2020.

⁷ Гао Чэн в трактате «Шиу цзиюань» («Записки о происхождении дел и вещей», 1095 г.) приводит цитату из сочинения «Чуньцю чжичжан суйюй»: «[Когда] Сын Неба выдавал замуж дочь, начиная со [времен] Цинь и Хань, он поручал [одному из] трех князей (*gōng*) устроить (*zhǔ*) [свадьбу]. Поэтому говорят *gōngzhǔ*» [Wiktionary].

gōngzhǔ, приведенное Джайлзом, может быть верным⁸. Для нашей темы, впрочем, это не имеет принципиального значения, поскольку мы можем ограничиться констатацией исходного значения *gōngzhǔ* – «принцесса».

Как и когда титул *gōngzhǔ* проник к кочевникам Центральной Азии? Уже в период Весен и Осеней (770–481 до н. э.) начались брачные отношения между китайскими и иностранными правителями. Позднее ханьские императоры время от времени, в целях упрочения отношений с сюнну и усунями, выдавали своих принцесс за шаньюев и усуньских царей. Это делалось в рамках т. н. договоров о мире, основанных на родстве (*хэцинь*), начиная с первого ханьского императора Гао-цзу ([здесь и далее – годы правления – *Уточн. ред.*] 202–195 до н. э.) [СЦ VIII: 436]. При этом нередко вместо настоящих принцесс отправлялись другие родственницы или наложницы, также именовавшиеся *gōngzhǔ*. Так, тот же Гао-цзу не решился послать шаньюю Маодуню свою дочь-принцессу, а взял девушку из обычной семьи, объявил ее принцессой и отдал в жены шаньюю [СЦ VIII: 196–197]. Император Сяо Вэнь [*тж.* Вэнь-ди, Сяо Вэнь-ди и др. – *Уточн. ред.*] (180–157 до н. э.) отправил Лаошан-шаньюю Цзию принцессу из императорского рода в качестве супруги [СЦ VIII: 335]. Император Сяо Цзин (157–141 до н. э.) отправил принцессу в жены шаньюю [СЦ VIII: 340]. У-ди (141–87 до н. э.) отдал принцессу в жены усуньскому царю, чтобы отделить сюнну от западных государств, которые им оказывали помощь [СЦ VIII: 348]. Во всех указанных случаях принцесса именовалась *gōngzhǔ*⁹. К 133 до н. э., однако, У-ди положил конец брачным отношениям с сюнну и перешел к более агрессивной политике. После правления У-ди Ханьский двор вернулся к дипломатическим методам взаимодействия с сюнну, отказавшись от заключения брачных союзов [Skaff: 210].

Эта практика продолжилась и после падения династии Хань и смены в Центральной Азии сюннуского доминирования сяньбийским. Она отмечена, например, у непосредственных предшественников тюрков – жужаней. В 435 г. тобасский император Тайу-ди (423–452) выдал за жужаньского кагана Чилиня царевну Сихай (西海公主), а себе в жены взял его младшую сестру [Бичурин: 191]. По-

⁸ В. Томсен упоминает, как Э. Паркер и Г. Шлегель сообщили ему, независимо друг от друга, что они считают вероятным, что древнетюркское *qinčij* заимствовано из китайского *gōngzhǔ* «принцесса» (буквально: «та, чей брак заключен» (*zhǔ*) герцогом, вассальным князем (*gōng*), потому что император слишком велик, чтобы заниматься этим) [Thomsen 1896: 196].

⁹ Для ее обозначения могли использоваться и другие титулы. Так, Сыма Цянь, передавая речь шаньюя Увэя в разговоре с китайским послом, использует титул *wēngzhǔ* (翁主): «По прежним договорам Ханьская империя обычно присылала к нам в жены принцессу (*wēngzhǔ*)» [СЦ VIII: 349]. Этот же титул фигурирует в речи китайского посла перед царем усуней (117 до н.э.): «Если усуни [согласятся] откочевать на восток и поселиться на землях Хуньсе, то Хань пришлет принцессу в жены Гуньмо» [СЦ IX: 205]. В «Описании Дайюани» сказано, что Ханьский двор отправил девушку императорского рода (宗室女 *zōngshìniǚ*), княжну (*wēngzhǔ*) из Цзянду, в качестве жены усуньскому правителю (Гуньмо), которая, из-за старости последнего, стала супругой его внука Цэньцюя [СЦ IX: 209]. Здесь речь идет о девушке из императорского рода, хотя Ч.О. Хакер сообщает, что в Хань *wēngzhǔ* было обозначением дочери князя не из императорской фамилии, в отличие от императорской принцессы (*gōngzhǔ*), дочери князя из императорского дома [Hucker: 568].

следний жужаньский каган Анагуй в 532 г. просил выдать царевну за своего старшего сына. В 533 г. тобасский У-ди (532–535) указом обещал выдать за него старшую дочь одного из князей царевну Ляньцзе (連結公主) [Бичурин: 204]. Западно-вэйский Вэнь-ди (535–551) в 535 г. выдал дочь сановника Юань И за младшего брата Анагуя, Таханы, в качестве царевны Хуачжэн (化政公主), а дочь Анагуя взял себе в жены [Бичурин: 205]. В 540 г. за сына Анагуя Аньлочэня была выдана младшая сестра восточно-вэйского князя Чжо царевна Лэань (樂安公主) [Бичурин: 206]. Анагуй выдал свою внучку, царевну Линьхэ (鄰和公主), за восточно-вэйского князя Чжэнь-цзина [Бичурин: 206–207]. Он же выдал свою дочь-царевну Жужу (蠕蠕公主) за восточно-вэйского полководца Гао Хуаня [Бичурин: 207].

Тюрки унаследовали эту модель дипломатии. Основатель Тюркского каганата, Тумэнь, предложил заключить династический союз западно-вэйскому императору Вэнь-ди. В 551 г. Вэнь-ди выдал за него царевну Чанлэ (長樂公主) [Бичурин: 228]. В 579 г. каган Тобо просил о мире и родстве. Северо-чжоуский император Сюань-ди (578–579) приказал выдать за него дочь князя Чжао царевну Цяньцзинь (千金公主), но Тобо умер, и она стала женой кагана Шаболио [Бичурин: 234–235], в дальнейшем она была замужем за сыном Шаболио – Дуланем [Таšбаџ: 168]. Сын кагана Шаболио, Тули-хан, в 597 г. просил себе в жены представительницу двора Суй. Суйский император Вэнь-ди (581–604) выдал за него княжну из своего рода – Иань (Аньи) (安义公主) [Бичурин: 241–243]. Когда царевна Иань скончалась, император выдал за Тули-хана княжну из своего рода под именем Ичэн (义成公主) [Бичурин: 242]. После смерти Тули-хана она стала женой его сына – Шиби-кагана, а далее была супругой Чуло-кагана и Хэли-кагана [Бичурин: 245–247]. В 614 г. суйский император Ян-ди (604–618) выдал за западно-тюркского Чуло-кагана царевну Синьи (信义公主) [Бичурин: 283]. Танский император Тай-цзун (626–649) согласился выдать за сеяньтоского кагана Инаня царевну Синьсин (新興公主), однако брак не состоялся [Бичурин: 341–342]. В 710 г. просил о мире и родстве каган Мочжо. Император Жуй-цзун (710–712) указал выдать за него дочь князя Чэн-ци под именем царевны Цзиньшань (金山公主), но брак не состоялся [Бичурин: 272]. Титулы царевен были даны супругам западно-тюркских каганов Ашина Синя и Сулу [Бичурин: 296, 298]. Бильге-каган также искал брачных связей с Тан, неоднократно обращался с запросом об этом к Сюань-цзуну (712–756), начиная с 718 г., но так и не получил невесту [Skaff: 221].

Политика брачных союзов была продолжена и уйгурами. В 756 г. уйгурский каган Моюнчор выдал за китайского князя Чэн-цая свою свояченицу. Танский император Су-цзун (756–762) присвоил ей титул царевны Пицзя (咸安公主) [Бичурин: 310, 327]. Су-цзун выдал за Моюнчора свою малолетнюю дочь царевну Нинго (寧國公主) [Бичурин: 313]. В 769 г. дочь китайского полководца Пугу Хуай-эня царевна Чунвэй (崇徽公主) была отдана в супруги уйгурскому Бёгю-кагану [Бичурин: 322]. Император Дэ-цзун (779–805) выдал за уйгурского кагана Тун-бага царевну Сяньань (咸安公主), которая всего побывала замужем за четырьмя ханами [Бичурин: 327, 331]¹⁰. Император Му-цзун (820–824) выдал за уйгурского Чундэ-кагана царевну Тайхэ (太和公主), дочь покойного императора Сянь-цзуна (805–820) [Бичурин: 332].

¹⁰ Тун-бага, Чжун-чжэнь, Фэн-чэн, Хуай-синь.

Во всех указанных выше случаях царевны носили титул *gōngzhǔ*, хотя встречались и другие титулы (также с элементом *zhǔ*). Чаще всего они были дочерьми князей и других представителей знати. Обычно титул присваивался перед совершением брака и включал в себя приставку в виде топонима (указание на округ и т. п.). Титул имели не только китайянки, выдаваемые за глав кочевых племен, но и кочевые аристократки, выходившие замуж за китайских правителей и вельмож. Несмотря на то что отправляемые в степь китайянки иногда объявлялись дочерьми императора, это редко соответствовало действительности. Браки с кочевниками были вынужденными и рассматривались китайскими властями как унижительные. Дочери императоров обладали большой политической ценностью в легитимации власти тюркских правителей, поскольку последние, чтобы выйти победителями во внутренних конфликтах, должны были, помимо прочего, установить монополию на заграничные браки и инвеститурные отношения с китайским двором [Arden-Wong: 83; Ecsedy: 88; Skaff: 208, 219, 238–239].

Помимо титула *gōngzhǔ*, «принцессы», китайские императоры могли присваивать титул *qatun* – «царицы». Например, Дай-цзун (762–779) пожаловал такой титул жене Бёгю-кагана¹¹. Императоры жаловали царевнам, ставшим женами князей, княжеское, а ханов (каганов) – ханское достоинство, т. е. возводили их в достоинство супруга. Учитывая то, что браки играли большую роль во внутренней политике, кажется естественным, что правители степи и Китая использовали их как средство дипломатии. Дары невесты могли продемонстрировать добрую волю и дружеские намерения [Skaff: 209].

Подавляющее большинство (примерно пять из шести) попыток установления международных брачных связей династиями Суй и Тан приходилось на тюрков и монголов. Переговоры о браке, однако, заканчивались свадьбами немногим менее чем в половине всех случаев (29 браков и 34 провала) [Skaff: 210–214]. Согласно исследованию Скаффа, «суйско-танская стратегия дипломатических браков варьировалась в зависимости от восточно-евразийского баланса сил. Когда Суй и Тан были едины и могущественны в военном отношении, они стремились к “экспансивной” брачной дипломатии <...> и отправляли принцесс, которые не были дочерьми императоров <...> В периоды внутренней политической слабости, танские правители стремились к “оборонительной” (defensive) брачной дипломатии с крупными державами в Монголии. Вынужденные идти на уступки, императоры были более склонны инициировать переговоры и отдавать в невесты своих настоящих дочерей <...> С Суй и до середины Тан экспансивная дипломатия была нормой, а после восстания Ань Лушаня преобладала оборонительная дипломатия» [Skaff: 210–212]. Танская экспансивная дипломатическая стратегия, отражающая более ранний Суйский подход к тюркам, стремилась поддерживать инвеститурами и браками более близких и слабых правителей, которые служили буферами против более отдаленных крупных держав.

Су-цзун возродил браки как средство оборонительной дипломатии во время восстания Ань Лушаня. Уйгурский каган Моюнчор получил в жены настоящую дочь императора. После этого уйгуры продолжали получать выгодные браки, поскольку империя Тан стала слабой. Следующие четыре брака с уйгурами вклю-

¹¹ Она именовалась Гуанцинь-кэдунь (光亲可敦).

чали двух настоящих дочерей, одну приемную дочь и одну внучку по отцовской линии [Skaff: 216].

Самые ранние фиксации слова *gōngzhǔ* в собственно тюркской среде встречаются, по-видимому, в орхонских памятниках VIII в. Оно дважды отмечено в памятнике Кюль-тегина (734) и дважды (один раз под вопросом) – в памятнике Бильге-кагана (735) в форме *qunčuj*. Это следующие фрагменты:

siñilim qunčujuy bertimiz (КТб 20/БК 17)¹²

ögüm qatun ulaju öglärim äkälärim kälñünim qunčujlarym bunča jämä tirigi kün boltaçy ärti ölügi jurtda jolta jatu qaltaçy ärtigiz (КТб 49)

rä qu[nču]... qī... (БК Ха 3)

В.В. Радлов сначала видел в *qunčuj* в надписи Кюль-тегина два разных слова: в КТб 20 – название рода («мы дали ему шесть моих родов *Kuntschajug*») [АТИМ: 13, 110], а в КТб 49 – некую категорию родственников-женщин *qunčaj*¹³, под которой, как он предполагал, могут подразумеваться лишь младшие сестры или племянницы, поскольку матери (*ögä*¹⁴), тетки (*äkä*), свойственницы (жены и невестки) (*kälñün*) упомянуты ранее¹⁵. В итоге *qunčujlarim* он переводил как «мои младшие сестры (?)» [АТИМ: 110]. Потом, после исправления чтения знаков, предложенного Томсеном [Thomsen 1896: 40, n. 1], Радлов стал переводить *qunčuj* как «принцесса» и предложил иной перевод КТб 20: «мою сестру, *qunčuj* (принцессу), мы ему дали» [АТИМ: 202, 441], и КТб 49: «моя мать-катун, за ней мои матери (жены умершего отца, тетки?), мои тетки (старшие сестры?), мои свойственницы (жены, невестки) т. е. (все) мои принцессы» [АТИМ: 445]. Таким образом, по его мнению, *siñlim qunčuj* значит «моя сестра-принцесса» (соответствуя выражениям типа *qañim qan* «мой отец-хан», *äčim qayan* «мой дядя-каган»), а *qunčujlarim* – «мои принцессы», указывая на всех перечисленных перед этим родственников-женщин [АТИМ: 218–219].

В. Томсен, анализируя КТб 20, предположил для *qunčuj* значение «супруга» [Thomsen 1896: 13] (сопоставив его, под вопросом, с восточнотюркским/османским *qonšu* «сосед» [Thomsen 1896: 13–14 avec n. 1]). Соответственно, пассаж *siñilim qunčujuy bertimiz* он переводил как «мы дали ему мою младшую сестру в жены» [Thomsen 1896: 40, n. 1, 104]. *Qunčujlarim* в КТб 49 он трактовал как «мои супруги, мои жены» [Thomsen 1896: 31], а весь отрывок переводил как «моя мать-катун, следующие за ней мои мачехи, мои сестры (и мои тетки?), мои невестки и мои жены» [Thomsen 1896: 113]¹⁶.

¹² Сиглы памятников даются по С.Е. Малову [Малов 1951; Малов 1952; Малов 1959].

¹³ Позднее Радлов (вслед за Томсеном) изменил транскрипцию на *qunčuj*.

¹⁴ Правильно – *ög*; при цитировании Радловских и Томсеновских переводов приводится форма *ögä*.

¹⁵ Более ранние варианты перевода: (1) *ögäm qatun ulaju* (у Радлова: улыју – Прим. ред.) *ögälärim äkälärim kälñünim qunčajlarim* «моя мать-катун и вместе с ней все мои тетки, сестры, невестки и *Qunčaj*» [АТИМ: 28–29]; (2) *ögäm qatun* <...> *ögälärim* «моя мать-катун; <...> мои тетки (матери?)» (возможно, это жены умершего хана) [АТИМ: 99].

¹⁶ «Сборный» вариант далее по тексту: «моя мать-катун, мои мачехи, мои старшие сестры/тетки, мои невесты/невестки/золовки, мои супруги/жены» [Thomsen 1896: 164, прим. 59].

Он сомневался, что слово *qunčuj* может быть заимствованием из китайского языка и означать «принцесса» [Thomsen 1896: 150, прим. 26].

Возражая Томсену, Радлов писал, что выражение *siñlim qunčujuy bertimiz* ни в коем случае нельзя переводить как «мою сестру мы дали [ему] в жены»; это выглядело бы совершенно не по-тюркски. За *siñlim* обязательно должен был бы стоять аффикс аккузатива: *siñlimin qunčuj bertimiz* или *siñlimin qunčujqa bertimiz* [АТИМ: 202]. Предложенное Томсеном значение «жена» в КТБ 20 очень спорно. Это подтверждается фразой в БК Хб 9 *türgäs qayanqa qizimîn* <...> *ali bertim* и в БК Хб 10 *qizîn* <...> *oyluma ali bertim*, где слова *qizimîn* «мою дочь» и *qizîn* «его дочь» стоят в аккузативе. Пропуск аккузативного аффикса после местоименного аффикса в существительных крайне маловероятен. Радлов предлагает трактовать *qunčuj* как «принцесса». За это, по его мнению, говорит и пассаж в КТб 49. Было бы удивительно, если бы супруги шли за свойственницами (*käliñünim*). Аффикс множественного числа в *qunčujlarim* также указывает на то, что это слово обозначает всех перечисленных прежде родственников [АТИМ: 218–219]. Окончательный перевод Радлова гласит: «мы дали ему мою младшую сестру, принцессу, (в жены)» (КТб 20); «моя мать-катун и с ней мои мачехи, мои старшие родственницы, мои жены и младшие родственницы, вы, все мои принцессы» (КТб 49) [АТИМ N.F.: 135, 147].

После сообщения Паркером и Шлегелем о вероятности заимствования древнетюркского *qunčuj* из китайского *gōngzhǔ* Томсен скорректировал свое толкование КТб 20 и предложил его новый вариант: «мы дали ему (в жены) принцессу (или госпожу) (Madame), мою младшую сестру»¹⁷. Он сопоставил выражение *siñlim qunčuj* с такими формами как *qanñim qan* «мой отец-хан», *ögäm qatun* «моя мать-катун» и т. д. [Thomsen 1896: 196]. Что касается фрагмента в КТб 49, то он пришел к выводу, что *qunčujlarim* здесь правильное переводить как «мои принцессы» или «мои госпожи» (Mesdames), в число которых входили как жены кагана¹⁸, так и его дочери (и дочери его предшественников, если они не охватывались термином *äkä*). По Томсену, поскольку слово *qunčujlarim* идет последним и, так сказать, вне порядка, в то время как другие классы женщин даны по возрасту, это могло быть сделано с умыслом, чтобы особым образом выделить его: «и (даже) царицы и принцессы» [Thomsen 1896: 198].

Итоговые Радловские переводы:

КТб 20: «нашу младшую сестру, принцессу, мы дали ему (в жены)» [Радлов, стлб. 916]

КТб 49: «моя мать хатун, мои мачехи, тетки, снохи¹⁹ и принцессы» [Радлов, стлб. 915–916]

Итоговые переводы Томсена:

КТб 20: «мы дали ему принцессу, мою младшую сестру, в жены» [Thomsen 1924: 148; Ross, Thomsen: 866]

¹⁷ Таким образом, понятие жены в переводе КТб 20 «перекочевывает» в скобки: речь по-прежнему идет о выдаче замуж, но само слово *qunčuj* означает не жену, а выдаваемую «в жены» принцессу.

¹⁸ То есть понятие «жена» в КТб 49 отчасти сохранялось.

¹⁹ Радлов здесь переводит термин *käliñün* на русский язык как «снохи» [Радлов, стлб. 916].

КТб 49: «моя мать-катун, вместе с моими мачехами, моими тетками и старшими сестрами, моими невестками, моими принцессами» [Thomsen 1924: 155; Ross, Thomsen: 870]

Как видим, и Томсен, и Радлов сохранили перевод *qunčij* как «принцесса», но Радлов был склонен к расширительной трактовке его множественного числа в КТб 49 как указывающей на всех родственниц кагана, а Томсен видел в *qunčij-larim* только обозначение его дочерей и жен (принцесс и цариц). В своем «Опыте словаря тюркских наречий» Радлов, однако, по-видимому, отказался от расширительной трактовки КТб 49, поставив принцесс в один ряд с другими родственницами (хотя оставил за *qunčij* обобщающее значение «родственницы хана»)²⁰.

Фрагмент Ха 3 в надписи Бильге-кагана Томсен и Радлов первоначально опускали из-за его плохой сохранности, лишь позднее Радлов предположил там слово «принцесса» (?) [Радлов, Мелиоранский: 33; АТІМ N.F.: 146].

П.М. Мелиоранский, переводя на русский язык текст последнего немецкого варианта Радлова, перевел слово «принцесса» как «княжна»: «мы дали ему (в жену) мою младшую сестру, княжну» (КТб 20), «моя мать-хатун, и вы, мои сводные матери (т. е. другие жены моего отца), мои старшие родственницы, вы, мои жены и младшие родственницы, вы, все мои княжны» (КТб 49) [Радлов, Мелиоранский: 21, 34]. С этого времени в русскоязычной литературе одним из вариантов перевода *qunčij* становится «княжна». В примечании приводится Радловское определение *qunčij*: «Это титул женщин, принадлежащих к ханскому, царствующему дому» [Радлов, Мелиоранский: 21, прим. 5]. Два года спустя Мелиоранский издал собственную работу о памятнике Кюль-тегина, в которой сохранил Радловскую трактовку КТб 20 («[мы] дали ему (в супружество) мою младшую сестру-княжну»), но несколько изменил перевод КТб 49: «моя мать-катун и вы, идущие за нею (по знатности) мои сводные матери (т. е. другие жены отца Бильге-хана), мои тетки (или вообще: старшие родственницы?), мои невестки (или вообще: младшие родственницы?), мои княжны» [Мелиоранский: 69, 76], т. е., по-видимому, отказался от «широкоохватного» понимания *qunčijlarim* («все мои княжны») в пользу понимания его как равноправного термина в ряду предшествующих ему других (просто «мои княжны»).

В дальнейшем трактовки употребления *qunčij* в памятнике Кюль-тегина вращались именно вокруг переводов Томсена и позднего Радлова/Мелиоранского, став относительно устоявшимися. Для КТб 20 единодушно был принят перевод «мы дали (ему в жены) мою младшую сестру-принцессу (княжну)» [ДТС: 466; Кононов: 214 [«ханшу»]; Малов 1951: 30, 38; Стеблева 1976²¹: 22, 181; Тугушева: 29, 42; bitig.kz; Ercilasun: 103; Ergin: 23, 70; Orkun: 38–39; Rybatzki: 509; Tekin 1968: 234, 266; Tekin 1988: 12–13; Vambéry: 43; для КТб 49 большинство приняло перевод «мои принцессы (княжны)» [ДТС: 296; Кононов: 145 («мои ханши-девицы»); Малов 1951: 33, 42–43; Стеблева 1976: 34 [под знаком вопроса], 188; Тугушева: 33, 48; bitig.kz; Ercilasun: 107; Erdal 2004: 270,

²⁰ Таким образом, отчасти вернувшись к своей первоначальной интерпретации, противопоставлявшей младших сестер/племянниц матерям, теткам и свойственницам.

²¹ В работе 1965 г. Стеблева писала «мы дали [ему] в жены свою младшую сестру» [Стеблева 1965: 78, 115]; так же переводил это место Айдаров [Айдаров: 294].

422²²; Ergin: 29, 75; Orkun: 50; Ölmez: 59; Rybatzki: 509; Tekin 1968: 271; Tekin 1988: 22–23; Vambéry: 65 («мои дочери (принцессы)»), лишь И.В. Стеблева (в ранней работе), Г. Айдаров и С.Г. Кляшторный трактовали *qunčujlarım* как «мои жены» [Айдаров: 302; Кляшторный: 480; Стеблева 1965: 46, 84, 122]. Особняком стоит позиция Дж. Клосона, который сохранял перевод «жены» и для КТб 20 («мы дали ему мою младшую сестру в качестве супруги»), и для КТб 49 («мои супруги») [EDT: 635, 719]²³. Также М. Эрдал в одной из статей переводил *sinilim qunčujı bertimiz* как «мы дали (ему) мою младшую сестру в супруги», а *qunčuj* – как «царская супруга» [Erdal 1993: 99–100], тем самым следуя раннему толкованию Томсена²⁴. Фрагмент Ха 3 в надписи Бильге-кагана большинство авторов не переводило; Малов и Айдаров усматривали в нем знаки *qunči*, которые трактовали как «принцесса» [Айдаров: 314; Малов 1959: 18, 22]. Значение «княжна» также предполагалось Радловым и Мелиоранским [Радлов, Мелиоранский: 33].

По нашему мнению, общепринятый ныне перевод *sinilim qunčujı bertimiz* как «мы дали (ему в жены) мою младшую сестру-княжну» вполне убедителен и согласуется с такими формами как *qanım qan* «мой отец-хан», *ögüm qatun* «моя мать-катун», *äcım qayan* «мой дядя-каган»²⁵, на что указывали первые исследователи памятников. Характер аккузатива, обозначающий «принцессу (в жены)», а не «жену», хорошо показан Радловым. Что касается второго фрагмента, с *qunčujlarım*, то здесь можно констатировать, что, несмотря на расхождения в толковании отдельных терминов, почти все исследователи согласны с тем, что в данном случае мы имеем список родственников и свойственников кагана, возможно, ранжированных по знатности и/или возрасту. За исключением матери-катуна, которая, естественно, идет в единственном числе, все остальные родственники и свойствен-

²² Правда, в другом месте своей книги Эрдал переводит *qunčujlar* как «жены» [Erdal: 158]. Далее он оговаривает, однако, что здесь имеются в виду все женщины данной категории в племени, а не только связанные непосредственно с говорящим [Erdal: 270, п. 457].

²³ В качестве вторичной формы для *qunčuj* Клосон допускал (под знаком вопроса) *qunši*, также в значении «жена» [EDT: 59, 635]. В. Банг и А. фон Габэн, однако, издавшие один из текстов, на которые ссылается Клосон, переводили это слово как «сосед» [Bang, Gabain 1929: 13₁₅₆]; их перевод был принят авторами ДТС [ДТС: 455, 618]. Ср. с сопоставлением Томсеном *qunčuj* с *qonšu* «сосед» [Thomsen 1896: 13–14, п. 1]. Термин *qunčılar* в значении «женщины» встречается в сиро-тюркском фрагменте Пигулевской из Хара-Хото [Zieme 2015: 173]. В сиро-тюркской эпиграфике Елизаветы с юга Китая (Янчжоу, XIV в.) он зафиксирован в форме *qunči* «принцесса; госпожа (lady)» [Franzmann: 86–87; Niu Ruj: 232–233]. Это, возможно, влияние тогдашнего китайского произношения.

²⁴ Анализируя граффити № 6 из Яр-Хото, в котором просматривается «странно напеминающая» КТб 20 фраза *s(i)η(i)l (?) qunč(u)j(u)m (?)*, Эрдал переводил ее как «(моя) младшая сестра (?) (и) моя жена (?)», допуская для *qunčuj* значение «жена» [Erdal 1993: 99–100]. Радлов читал эту фразу *sinli qunčujıma* и переводил: «младшей сестре [Йилиг Чура], моей принцессе (моей супруге)» [Radloff: 82]. В граффити № 5а Эрдал трактует *qunčuj* то как «(моя) жена (?)», то как «госпожа» (lady)» [Erdal 1993: 97].

²⁵ То есть конструкциями с препозиционно примыкающим определением – именем существительным, обозначающим родственные или социальные отношения, с аффиксом принадлежности [Кононов: 214].

венники названы в форме множественного числа (на *-lar* или через аффикс собирательной множественности *-ün*). Таким образом, морфологически *qunčujlarım* не отличается от других терминов в этом ряду²⁶. Аффикс *-lar* не может свидетельствовать о том, что это слово указывает на всех перечисленных прежде родственниц. Трудно судить о том, находится ли данное слово «вне порядка». Радлов и Томсен были склонны обособлять его: Радлов придавал ему резюмирующий («все»), а Томсен – акцентированный («и даже») характер. Как ни странно, Радловский перевод КТб 49 не включает понятия дочерей кагана, хотя титул «принцесса» в первую очередь указывает на эту категорию родственников. Исходя из его перевода КТб 20, мы вправе предположить, что в общем дочери правителя входили в область значений этого термина, но в данном случае они не названы и, видимо, не подразумеваются. Могли ли входить в него, хотя бы теоретически, жены кагана, неясно; критическое отношение Радлова к переводу *qunčuj* как «супруга» в КТб 20 заставляет усомниться в этом (поначалу он включал жен, наряду с невестками, в *käliñün*). Томсен, напротив, последовательно сохраняет перевод *qunčuj* как «принцесса (=дочь кагана)» и допускает включение в него (в КТб 49) значения «жена». Вероятно, последнее было навеяно тем фактом, что такой титул носили супруги тюркских правителей, о чем упоминается в его работе [Thomsen 1896: 198].

Если мы будем оставаться на почве непреложных лингвистических и исторических фактов о том, что *qunčuj* являлось обозначением мнимых или истинных дочерей и иных родственниц китайских императоров, выдаваемых в жены тюркским правителям, то следует признать, что трактовать его в КТб 49 как резюмирующий термин для обозначения названных родственниц кагана нет оснований. Вполне достаточно понимать его как «княжна», т. е. дочь или родственница кагана (не охватывающая *ög, äkä* и *käliñün*). «Акцентированность» Томсена допустима (она позволяет находиться женам после свойственниц, против чего возражал Радлов), но недоказуема. Можно предположить, что упоминание жен (и дочерей) после свойственниц вообще не противоречило подразумеваемой в перечислении иерархии. Что касается возможного значения «жены», которое, как мы увидим ниже, довольно рано проявилось в тюркском *qunčuj* и даже со временем стало в нем господствующим, то оно также теоретически допустимо для КТб 49, хотя достоверных доказательств его наличия нет.

Особенностью функционирования термина *qunčuj* уже в ранний («орхонский») период является его смешанная природа, совмещающая в себе признаки релятивных (относительных) и автосемантических слов. С одной стороны, он указывает на отношение одного индивида к другому (*чья-то* дочь, *чья-то* супруга), с другой – указывает на характеристики этого индивида (женщина княжеского достоинства)²⁷. Китайское *gōngzhǔ* также совмещало в себе оба этих аспекта:

²⁶ Ср. аналогичную по конструкции фразу из КТб 51: *äki šad ulaju ini jigünim oylanım bäglärüm bodunım* «оба шада и идущие за ними мои младшие братья, мои сыновья, мои беги, мой народ».

²⁷ Княжеское достоинство обычно было связано с родством или замужеством, поскольку в традиционном обществе положение женщины почти полностью определялось положением ее отца или мужа. Исключение могли составлять, например, случаи, когда оно жаловалось правителем.

принцесса как дочь императора и принцесса как женщина с княжеским титулом. Становясь женами тюркских каганов, принцессы могли переходить в разряд *qatun* «цариц», но титул *qunčij* за ними сохранялся (пусть даже неформально) как память о родстве с императорским или княжеским домами и указание на их аристократическое происхождение, высоко ценившееся в кочевой среде²⁸. При этом к двум исходным значениям *gōngzhǔ* добавлялось третье – «супруга правителя»²⁹. Оставаясь дочерью/родственницей императора или князя, принцессы одновременно приобретали статус жены кагана. Значение «дочь/родственница» в *qunčij* дополнялось (но не вытеснялось) значением «жена правителя». Однако, помимо категории китайских знатных дам, выдававшихся замуж за тюркских правителей и вельмож, уже в самой тюркской среде титул *qunčij* начал присваиваться дочерям и родственницам каганов, а, возможно, и других высокопоставленных лиц. Эта практика была, безусловно, подражанием китайской практике наречения принцессами дочерей и сестер императоров. В данном случае на первый план опять выходило значение «дочь/родственница», но уже на тюркской почве³⁰. После выхода тюркских принцесс замуж оно вновь дополнялось значением «жена» (с сохранением прежнего значения) и т. д. Титул *qunčij* по знатности уступал только *qatun* [ДЛТ: 382; МК: 922; СТД: 274], поэтому он, по-видимому, сохранялся и после замужества.

Таким образом, если конкретное лицо носило титул «принцессы» (*qunčij*), то его можно было понимать по-разному, в зависимости от контекста, в котором преобладало или полностью доминировало одно из двух релятивных значений (жена или дочь). В КТб 20 речь идет о родственнице кагана – она прямо названа «младшей сестрой». В КТб 49 такого прямого указания нет, но, учитывая, что здесь перед нами список родственниц и свойственниц, можно предположить, что под «принцессами» подразумеваются все те же дочери/сестры/племянницы. Их брачный статус не ясен. Главная супруга кагана точно не имеется в виду, поскольку она была одна и именовалась *qatun*. Могут ли здесь подразумеваться второстепенные жены кагана? Полностью этого исключить нельзя, но думается, в связи с характером использования *qunčij* в КТб 20, это все же родственницы, а не жены. Поскольку наши данные о *qunčij* в «орхонский» период ограничиваются Кошо-Цайдамскими памятниками, мы можем видеть только одно релятивное значение этого титула – «дочь/родственница [Бильге-кагана]», при сохранении автосемантического значения «женщина княжеского достоинства». Других примеров его употребления нет³¹. Однако это не значит, что значения «жена» не

²⁸ *Qatun* могла также называться *täŋri qunčij* («божественная принцесса») [Maenchen-Helfen: 273]. Иногда титулы *qatun* и *qunčij* могли присваиваться одновременно: так, в 769 г. Дай-цзун выдал свою приемную дочь за Бёгю-кагана и пожаловал ей титулы принцессы (*qunčij*) и царицы (*qatun*) [Skaff: 126].

²⁹ Ср. у П. Пельо: «В тюркском *qunčiu* рано приобрело более общее значение «дочери или жены из знатной семьи»» [Pelliot 1914: 269].

³⁰ См., например, в «Синь Таншу»: «На церемонии бракосочетания Тун-бага и Сяньбань-гунчжу присутствовала младшая сестра кагана Кутлуг Бильге Кунчуй» [Бичурин: 327].

³¹ Одну из надписей Хойто-Тамира (III) О.Ф. Сертка и С. Харжаубай читают как *jüzl(ü)g qunč(u)j:t(a)rduš qunč(u)j* и переводят «прекрасная госпожа (*hanım*) / госпожа Тар-

было, или что оно не могло дополнять (в той или иной степени) понятие «дочь/родственница». Та же младшая сестра Бильге-кагана, выданная замуж, наверняка сохранила титул *qunčij*, который мог стать ассоциироваться с ее новым статусом супруги. То, что большинство «принцесс» выходили замуж, подтверждает это предположение.

Те ученые, которые придерживались толкования «жена» для КТб 49 (и даже КТб 20), вероятно, либо находились под влиянием позднейшего распространения значения «жена» в енисейских, уйгурских и других памятниках, либо излишне сосредоточивались на функции *qunčij* как жен каганов, либо следовали неверному переводу *qunčij* как «в жены». Еще раз подчеркнем, что, по нашему мнению, значение «жена» вполне допустимо в «орхонский» период, но, скорее всего, отсутствует в памятниках Кюль-тегина и Бильге-кагана. Оно могло использоваться в других контекстах, не сохранившихся письменно.

В дальнейшем разворачивается процесс того, что Эрдал назвал «дегенерацией» значения термина *qunčij* до «знатная женщина» и просто «жена» [Erdal 1993: 99]³². Уже Клосон писал, что термин *qunčij* «быстро стал использоваться для обозначения «супруги, жены», даже если ни муж, ни жена не принадлежали в действительности к царскому дому» [EDT: 635].

Поскольку в памятниках Уйгурского каганата интересующий нас термин не отмечен, мы сосредоточим свое внимание на енисейских рунических надписях, в которых сохранилось наибольшее число случаев его употребления во всем руническом корпусе.

Радлов, первым обратившийся к енисейским текстам, был ограничен представлением, полученным на материале Кошо-Цайдамских памятников, что *qunčij* не может означать «жена». Доказательств этому в енисейке он не находил, отмечая, что это слово почти повсюду встречается в начале списка лиц, с которыми расстался покойный (т. е. не является резюмирующим в конце ряда). Пытаясь спасти свой вывод, он указывал на то, что, поскольку рядом с *qunčij* не упоминаются ни матери, ни тетки, ни старшие и младшие сестры (зато постоянно называются мужские родственники), а вслед за ним часто следует *sizimä* («от вас моих»), свидетельствующее о множественном числе, можно предположить, что *qunčij* вообще является почетным титулом для женщин дома и означает «госпожа, княжна, принцесса» и т. п. Таким образом, он стремился сохранить «расширительное» толкование данного термина, предложенное им для КТб 49. Включал ли он сюда жен, неизвестно. Тем не менее, от решительного принятия этого тезиса Радлов воздержался, предпочтя помещать его в переводах енисейских эпитафий как иностранное слово с не до конца выясненным значением («Kuntschui») «душ» [Sertkaya, Narcaıbay: 322]. К сожалению, контекст надписи слишком краток, чтобы установить точное значение *qunčij* и дату создания памятника. Есть также похожие на *qunčij* термины в Терхинской надписи (*q(u)nčul/q(a)nčul(a)q(i)nčul*) и надписи Кара-Балгасун II (*qunč/qunč(i)/(a)qunč*), которые трактуются исследователями как часть титула или личного имени [Katayama: 170, 172; Osawa 1999: 144–145; Osawa 2010: 315; Şirin User: 289; Tekin 1983: 48, 51, 58, 61], но их также пока нельзя идентифицировать уверенно.

³² Ему вторит Э. Айдын, говоря о «деградации значения» (*anlam kötüleşmesi*) этого слова у народов Саяно-Алтая [Ayдын 2013: 31].

[АТИМ: 363]. В более поздней публикации он предлагал для него перевод «знатная дама вообще (так в эпитафиях называют знатные люди своих жен³³ и родственников)» [Радлов, стлб. 916].

Значение «знатная дама, госпожа», однако, вбирающее в себя всех женщин дома, выглядит излишне универсальным. В надписях, содержащих термин *qunčuj*, встречаются обозначения матерей, сестер, дочерей, невесток и других родственников (Е 3, Е 6, Е 10, Е 11, Е 16, Е 45, Е 48, Е 59). Из этого следует, что *qunčuj* не охватывал их. Превалирующим значением его в эпитафиях, как мы увидим далее, было «жена»³⁴.

Томсен, говоря о енисейских надписях, переводил *qunčujit* (а именно в этой форме с посессивным аффиксом 1-го лица в них чаще всего используется данный титул) как «мои госпожи» (*mes dames*) [Thomsen 1913–1918: 5; 6, п. 2]. Очевидно, он следовал в этом своему раннему предположению, сохраняя из него вариант «госпожа» и не упоминая, по крайней мере, в данном случае, вариант «принцесса». Он предлагал считать фразу *qijda eki ešimä* «моим двум супругам в *qij* [гинекее, гареме]» вариантом *qijda qunčujita* «моим господам (*mes dames*) в гинекее», тем самым включая в понятие *qunčuj* супруг умершего. Могли ли под «господами» подразумеваться дочери и другие родственницы, не сказано [Thomsen 1913–1918: 6, п. 2]. В другой своей работе, однако, он уже переводил *qijdaqı qunčujit* как «моя (мои?) супруга(и) в гинекее» [Thomsen 1916: 66].

Оркун, по-видимому, следует Радлову, переводя *qunčuj* как «принцесса» и при этом ассоциируя его с женской частью семейств в целом [Orkun: 450]. Знатные люди всех своих родственников называли *qunčuj*.

А.Н. Бернштам отмечал, что значение термина *qunčuj* остается не совсем ясным [Бернштам: 161], но у кыргызов, предполагаемых авторов енисейских эпитафий, под ним «скрывается несколько иное содержание», чем под китайским *gōngzhū* «императорская принцесса, дочь императора», к которому его возводят [Бернштам: 161, прим. 4]. По мнению Бернштама, «термин *qunčuj* не является родовым термином». Для женского потомства, членов рода, и свойственников, замечает Бернштам, терминология имеется. Термин же *qunčuj* обозначает особых, отдельно находящихся женщин, не родственников. Возможно, это группа наложниц, рабынь [Бернштам: 162]. Верно указывая на обособленность *qunčuj* от других категорий женщин, Бернштам дает ему весьма своеобразную трактовку, связывая с невольницами нетюркского происхождения, принесшими с собой и нетюркский термин. Однако такое видное место, отводимое наложницам в надписях, выглядит удивительным.

С.Е. Малов в «Енисейской письменности тюрков» переводит *qunčuj* как «принцессы» [Малов 1952: 17, 22, 23, 26, 29, 35, 37, 38, 43, 46, 51, 56, 82, 83, 96], «госпожи (принцессы)» [Малов 1952: 11] и «супруги (принцессы)» [Малов 1952: 17]. Могли кто-то еще, кроме супруг, подразумеваться под этим термином, он не указывает.

³³ В немецком оригинале – *Frauen*. Это может значить и «жены», и «женщины». Если имеется в виду первое, то значит, Радлов допускал включение в *qunčuj* значения «жена». В русском тексте словарной статьи перевод *Frauen* отсутствует (оставлены только «родственницы»).

³⁴ Точнее, «знатная жена», «жена бега».

К. Брокельман пишет, что *qunčij* («принцессой») в енисейских надписях называется супруга [Brockelmann 1952: 141].

По К. Менгесу, в надгробных надписях Енисея знатные люди называют своих родственниц *qunčij* («принцесса») [Menges: 139]. Возможно, к этому слову восходит тувинское *кунчуг* «свекровь (мать мужа)», которое в результате конвергенции исхода слова изменило необычный *-ij* в ауслауте на более привычный *-иу* [Menges: 139, 147]³⁵. (Ср. в ЭСТЯ: «Примечательно появление *з* в ауслауте тувинского и тофаларского слов (ср. *суз* «вода», *оэ*, где *з* соответствует *-в* и *-й* туркменского языка)») [ЭСТЯ 2: 149]. Кормушин предполагает, что велярная форма конечного сонанта должна быть старше палатальной [Кормушин 2008: 259].

И.В. Стеблева в енисейских эпитафиях придерживается перевода *qunčij* «жены» [Стеблева 1965: 62, 137–140, 142].

Авторы «Древнетюркского словаря» переводят енисейское *qunčij* как «принцессы» или «младшие родственницы ханской крови» [ДТС: 117, 449, 464, 466].

Дж. Клосон переводит енисейское *qunčij* как «жены» [EDT: 124, 148, 269, 607, 635, 674], верный своему «матримониальному» истолкованию данного термина.

А.Н. Кононов последовательно переводил *qunčij* в енисейских памятниках как «ханша-девица» [Кононов: 131, 145, 154, 156, 162, 178, 183, 217]. По-видимому, имеются в виду дочери и другие младшие родственницы умершего (не жены).

Н.Н. Серегин и В.В. Тишин считают, что «у тюрков *qunčij* обозначаются все входящие в род женщины, являющиеся родственницами главы рода». К рассматриваемой категории они относят жен главы рода, незамужних сестер и дочерей и, видимо, племянниц [Серегин, Тишин: 93–94].

По Эрдалу, в енисейских надписях *qunčij* – это обычное обозначение жены умершего [Erdal 1993: 99; Erdal 2004: 184]. Также переводит его У. Йохансен – «супруга» [Johansen: 78].

Л. Базен, посвятивший ранним заимствованиям у тюрков отдельную статью, склонялся к гипотезе, что использовавшиеся ими иностранные титулы имели в основном почетный характер. Вдовы умерших у тюрков Верхнего Енисея надевались в погребальных надписях титулом *qunčiu* «принцесса». По Базену, это был явно почетный титул без всякой отсылки к генеалогии и реальных функций; он просто обозначает супругу, чье подлинное имя никогда не указывается. Использование этого условного титула, с его анонимностью, есть, видимо, результат закона, запрещавшего мужу произносить имя своей супруги на публике. Следы этого обычая до сих пор сохраняются в разных частях тюркского мира. Использование иностранного слова усиливало эту анонимность, содействуя, таким образом, усилению социальной гармонии [Bazin: 38–40].

Наиболее полный на сегодняшний день анализ словоупотребления *qunčij* в енисейских надписях и его семантики в целом принадлежит И.В. Кормушину. Он переводит его как «супруга, первая жена» [Кормушин 1997: 291; Кормушин 2008: 258–263, 326]. Адресация мемориантов к супругам имеет важное значение,

³⁵ А. Вамбери утверждал, что слово *qunčij* также известно в чагатайском языке в значении «юноша, герой, парень» (*kunžak*). Оно, вероятно, первоначально было почетным титулом молодых людей [Vambéry: 43]. Ср. в «Словаре шейха Сулеймана» (XIX в.): *kužak* (*kočak*) «сильный человек, смельчак» [Šejḫ Sulejman: 137].

поскольку данные адресаты количественно преобладают над остальными, при этом в тексте стоят либо первыми, либо одними из первых. Всего зафиксировано 26 случаев употребления *qinčij* в памятниках. Это наиболее обычное, часто употреблявшееся и, видимо, самое старое слово в лексематическом ряду супруг [Кормушин 2008: 258]. Данное слово сохраняется в современных тувинском и тофаларском языках: тув. *кунчуг*, тоф. *хунчуг* «свекровь»³⁶. «Очевидно, что усвоение слова произошло вместе с реалией, вероятно, в VI–VII вв., в период могущества тюрков, когда браки подобного рода были стабилизирующим фактором китайско-тюркских отношений <...> То, что *кунчуй* была супругой бека (*бега*), наглядно демонстрирует соотносительность семантики этой пары слов в современных тувинском и тофаларском, где *кунчуг* «свекровь», а *бег* «свекор». Семантический сдвиг здесь понятен: старшая пара в роду/племени → старшая пара в семье, но только по отношению к чужеродным членам семьи – невесткам, что, несомненно, коррелирует с исконной чужеродностью *кунчуй*» [Кормушин 2008: 259].

Кормушин предполагает, что лексема вошла в язык древних кыргызов, «скорее всего, гораздо раньше 9 в., времени создания самых ранних енисейских надписей». Об этом свидетельствует пассаж КТб 20, в котором речь идет о женитьбе кыргызского кагана на тюркской принцессе (младшей сестре Бильге-кагана). Это, справедливо отмечает он, «возможно, показывает путь продвижения китайского слова: через тюрков к кыргызам». Поскольку описываемое событие имело место несколько раньше 710 г., значит, к началу VIII в. слово *qinčij* наверняка вошло в древнекыргызский язык [Там же].

Кормушин указывает на трудность, вызываемую при переводах отсутствием аффикса множественного числа в *qinčij*, поскольку, с одной стороны, в енисейско-кыргызском обществе было, вероятно, в обычае многоженство, и супруг могло быть несколько, а с другой стороны, в грамматической системе той эпохи «в принципе существовало применение аффикса множественного числа *-lar*, особенно при родственных терминах». По мнению Кормушина, отсутствие множественного числа в *qinčij* вызвано стремлением пишущих «не входить в семейные проблемы» мемориантов, ограничиваясь самой общей характеристикой родственников, свойственников и их отношений к умершему (без уточнения деталей). О множественности жен сообщается единственный раз, но делается это с помощью числительного (Е 30). С другой стороны, в нескольких надписях под *qinčij* подразумевается одна жена (возможно, старшая), поскольку о ней сообщается, что она была взята замуж покойным в его очень раннем возрасте [Кормушин 2008: 260].

³⁶ По А.В. Дыбо, слово заимствовано в литературный древнетюркский, а из языка Тюркского или Уйгурского каганата – в язык-предок тувинского и тофаларского, где получило дальнейшее семантическое развитие в рамках, по-видимому, обрядовой терминологии свойства (ср. в русской свадебной обрядовой терминологии «князь» и «княгиня» в значении «муж» и «жена») [Дыбо: 792]. Ср. в ЭСТЯ: «В тувинском языке *кунчуг* “свекровь” выступает в паре с *бег* “свекор”, первоначально “бег, князь, принц”. С тувинским “свекор” можно сравнить татарское *би ата* “свекор”. Таким образом, *кунчуг* – почтительное наименование свекрови» [ЭСТЯ 2: 149]. Ср. также одно из значений китайского *gōng* (公) – «свекор».

Отсутствие показателя множественности, действительно, представляет собой проблему, хотя большинство исследователей переводили *qunčuj* в енисейских надписях во множественном числе. Аффикс *-lar* в руническую эпоху уже существовал и присоединялся к очень ограниченному числу основ, обозначающих человеческие существа (в основном родственников и уважаемых людей), выражая любовь, интимную привязанность, почтительность, величие [Brockelmann 1954: 280–282; Tekin 1968: 121]. Отсутствие этого элемента, однако, не говорит о том, что речь идет о единственном числе, поскольку в рунических надписях именное множество выражалось лишь окказионально. Наличие *-lar* в целом было вопросом не экономии аффиксов, а индивидуальности, выделенности по шкале релевантности. Присутствие *-lar* свидетельствует о множестве индивидуальных существ, а не о собирательной множественности, не о массе [Erdal 2004: 158–159]. Присоединение этого аффикса к *qunčuj*, казалось бы, было совершенно естественным, и оно наблюдается в КТб 49; тем не менее в енисейских текстах оно отсутствует. Вряд ли это объясняется недостатком привязанности и уважения покойного к своим супругам – надписи, скорее, свидетельствуют об обратном. Возможно, действительно, речь идет о женах как общем понятии, дифференциация внутри которого была необязательной для вынесения на широкую публику, или, в некоторых случаях, об одной (старшей?) жене. Кроме того, термин *qunčuj*, означающий всю совокупность определенной категории лиц, позволял избегать случайного пропуска того или иного лица.

Х. Ширин Усэр, посвятившая специальную статью терминам *qatun* и *qunčuj*, выдвигает гипотезу о том, что существуют рунические памятники, воздвигнутые в честь женщин. Это можно установить, по ее мнению, по наличию в некоторых из них термина *qunčuj*. Один из вероятных надгробных камней в честь женщин – Бомбогорская стела, принадлежащая, возможно, карлукам. Ширин Усэр читает один из ее фрагментов следующим образом: *il bil(i)g (bilg[ä]) qunč(u)j(u)ŋ tolt(u)nī*, и переводит «могила Ильбилиг (бильге) кунчуй», т. е. принцессы Ильбилиг (бильге). Она приводит чтение данного места у Ц. Баттулги, в котором также фигурирует термин *qunčuj*: *ilbis ilig qunčujŋ tultoni*. Этот текст, с ее точки зрения, с высокой степенью вероятности может быть надгробным камнем *qunčuj*, отданной из тюркского каганского дома в жены карлукам [Şirin User: 287–288].

Указывая, что монгольский исследователь М. Шинехуу читает в 1-й строке надписи Кара-Балгасун II *qunčī*, и в ряде уйгурских памятников есть такие варианты *qunčuj*, как *qunči* и *qunčī*, обусловленные, вероятно, выпадением конечного звука (или альтернативным написанием), Ширин Усэр реконструирует 1-ю строку надписи Кара-Балгасун II как *qunčī bujruqī ärtim* «я был буюруком у кунчуй» и цитирует схожую реконструкцию этого места у А. Рона-Таша: *qunč[ujniŋ] /// bujruqī* «буюрук принцессы» (Şirin User: 288–289).

Обращаясь к Архананской надписи, первые два слова в которой читаются рядом исследователей *täŋrikän qunčuj*, Ширин Усэр допускает (вслед за Ф.С. Барутчу Озондер), что эта надпись могла быть создана с целью благословения после завершения брачной церемонии *qunčuj* и некоего Кюль Таркана [Şirin User: 289]³⁷.

³⁷ См. подробный обзор переводов и толкований Архананской надписи в: Кормушин И.В., Баттулга Ц. Архананская надпись // Тюркологический сборник 2011–2012: По-

В надписи Хойто-Тамир III («прекрасная кунчуй, тардушская кунчуй»), по ее мнению, речь идет о некоей тардушской принцессе, что может свидетельствовать о брачных связях каганского дома и племени Тардуш. Поскольку тардуши были одним из племен Второго тюркского каганата, то возможно, эта надпись была создана в VIII веке и относится к группе «орхонских» текстов [Şirin User: 289–290]³⁸.

В двух граффити из пещер Яр-Хото, изданных Эрдалом, также упоминается *qunčuj*. По Ширин Усэр, речь в них идет о жене (женах) Кёртле-чора, одна из которых была младшей сестрой Йилиг-чора [Şirin User: 290–291]. Отмечая, что в ряде современных языков слово *qunčuj* приобрело другое значение – «свекровь», Ширин Усэр указывает, что акцент в нем был перенесен с общественного измерения на семейное [Şirin User: 286, n. 12]³⁹.

Эти наблюдения очень интересны. Вероятное употребление *qunčuj* в Бомбогорской, Кара-Балгасунской II, Архананской, Хойто-Тамирской III надписях и двух надписях из Яр-Хото в значениях «принцесса» и «жена» пока еще мало исследовано специалистами. Некоторые из этих памятников (Кара-Балгасун II, Хойто-Тамир III) могут относиться к VIII веку, другие – к более позднему периоду. Во всяком случае, они составляют любопытную группу рунических текстов, не входящую ни в классический «орхонский», ни в енисейский корпус, хотя, возможно, какие-то ее надписи и связаны с ними. К сожалению, чтение, интерпретация и точная датировка этих памятников остаются спорными; до получения более точной информации трудно говорить о том, какое место они занимают в эволюции орфографии и семантики термина *qunčuj* (см. выше прим. 31).

Завершая наш экскурс в терминологию енисейских памятников, мы можем сказать, что, действительно, термин *qunčuj* в них использовался преимущественно в значении «жена». Осознание этого пришло не сразу, поначалу исследователи толковали его по-разному, но в конечном итоге возобладало мнение о том, что это все-таки «супруга». Безусловно, нельзя исключить того, что в каких-то случаях и в какой-то степени под этим термином могли подразумеваться другие категории женщин: дочери, младшие сестры, родственницы, свойственницы и т. д., но в текстах надписей это надежно не просматривается. Из триады значений *qunčuj* – (1) «дочь/родственница правителя/знатного лица», (2) «супруга правителя/знатного лица», (3) «женщина княжеского достоинства», – в енисейских надписях на первый план выдвинулось «супруга», дополненное действительным или декларативным утверждением знатности. О степени этой знатности трудно судить. Речь идет обычно о женах местных князей, военачальников, чиновников. Жены князей могли наследовать знатность как по происхождению, так и приобретать ее через брак. Возможно, прав Базен, что в некоторых случаях это был по-

литическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М., 2013. С. 204–219. С.Г. Кляшторный и Э. Трыарский переводят *qunčuj* в надписи как «принцесса», Кормушин-Баттулга – «супруга знатного лица» [Кормушин, Баттулга: 213–215]. Кормушин-Баттулга датируют надпись серединой IX в. [там же: 218].

³⁸ По Н.Н. Серегину и В.В. Тишину, *qunčuj* здесь имеет значение «жена, супруга» [Серегин, Тишин: 94].

³⁹ Схожий процесс имеет место в якутском языке, где термин *хотун* стал обозначать «свекровь» или «жену».

четный титул без отсылки к генеалогии и реальным функций. В эпитафиях меморианты величали своих супруг этим княжеским титулом, так или иначе стремясь подчеркнуть притязания на благородство своего или их происхождения, но как это было связано с их реальным социальным статусом и не обуславливалось ли эпитафийным канонам, допускавшим, по-видимому, гиперболизацию, мы не знаем. Строго говоря, при переводе *qunčij* в енисейке на русский язык, учитывая соединенность в нем аспектов супружества и знатности, можно было бы использовать русский термин «княгиня», который подразумевает замужество и знатность. Однако в русской литературе устоялся перевод «княжна», который, с соответствующими комментариями, можно сохранить.

Как указывалось выше, сам термин *qunčij* был известен енисейским кыргызам уже к началу VIII в., а, возможно, и раньше. Он проник к ним, по всей видимости, через тюрков и уйгуров, имевших прямые дипломатические контакты с Китаем и подражавших китайской титулатурной практике в своей среде. Но чем был вызван сдвиг в значениях *qunčij* в пользу «супруги»? Можно предположить, что это было обусловлено следующим обстоятельством. В «орхонскую» и «енисейскую» эпоху титул *qunčij* занимал второе по значимости место после *qatun* – супруги правителя (кагана). Он был усвоен как почетное звание, ассоциировавшееся с китайскими принцессами. Каганы называли своих супруг *qatun*, а родственниц (особенно, быть может, младших) – *qunčij*. Аристократия (беги), стоявшая на социальной лестнице ниже кагана, титул *qatun* не использовала (по крайней мере, такие случаи не засвидетельствованы), но сохраняла за своими супругами, если они были дочерьми или родственницами каганов, титул *qunčij*. Постепенно этот титул распространился и на жен бегов, даже если они не были каганской крови (у кыргызов; но не исключено, что нечто подобное было уже в Тюркском и Уйгурском каганате). Таким образом, установилась связка *bäg* – *qunčij*, частично сохранявшаяся и в более позднее (уйгурское) время и нашедшая свое отражение в тувинском/тофаларском *бег* «свекор» – *кунчуг* «свекровь»⁴⁰. Свидетельство Махмуда Кашгарского о том, что *qunčij* – это титул на одну ступень ниже *qatun*, показывает, как тесно иерархически были связаны эти два титула. Проникновение титула *qunčij* из каганской семьи к представителям аристократии через браки обусловило преобладание в нем значения «супруга». Величание супруг «принцессами» как бы подразумевало, что это были дочери/родственницы правителя, хотя на деле это могло быть (а у кыргызов, видимо, в основном и было) не так. Обращает на себя внимание тот факт, что термин *qatun*, встречающийся в некоторых енисейских надписях (Е 3, Е 12), указывает, видимо, на названия рек, а не на реальных женщин [Кормушин 1997: 182–183, 192–193, 196, 291; Кормушин 2008: 93–94, 105, 325; Малов 1952: 19–20]⁴¹. Разу-

⁴⁰ Ср., например, *qunčujlarnıñ bāgi* «муж[ья] этих женщин [жен]» [Bang: 247; Erdal 2004: 496; Müller III: 81]. Иногда бывает трудно точно определить: идет ли речь о князьях и княгинях или о мужьях и женах.

⁴¹ Так же не может он означать и супругу кагана (хана), т.е. использоваться в своем первичном значении, поскольку надпись Е 3 не является ханской (в ней мемориант упоминает о хане (*qanım*) как о постороннем лице) [Кормушин 1997: 192–193; Кормушин 2008: 92–94]. *Ägük qatun* в Е 3 считал топонимом уже Радлов [АТИМ: 306–307, 351].

меется, со временем, по мере децентрализации политического объединения енисейских кыргызов, титул *qatun* (если он у них был) мог девальвироваться в их среде, но все же в надписях мы не встречаем его, по-видимому, в качестве обозначения супруг умерших⁴². Мог ли титул *qunčij* использоваться для обозначения (младших) родственниц кыргызских бегов, неизвестно. В текстах, однако, когда речь идет об этих родственницах, они обозначаются с помощью других терминов. Исключить то, что существовали контексты, в которых они именовались *qunčij*, нельзя, но в имеющемся корпусе текстов факты такого рода отсутствуют. Незафиксированность *qunčij* применительно к родственницам бегов косвенно подтверждает предположение, что этот титул распространялся в бегской среде в основном по линии брака, а не копирования номенклатуры родства⁴³. В дальнейшем, однако, «престижное» слово стало широко использоваться для обозначения супруг вообще, утратив связь с представителями семейства кагана (хана).

В завершение скажем несколько слов о последнем, уйгурско-караханидском периоде бытования термина *qunčij*. В этот период для него характерны все три упомянутые выше значения, как по отдельности, так и в сочетании. Он может означать принцесс (княжон), [Bang, Gabain 1931: 38; Erdal 2004: 292, 443; Franzmann: 86–87; Le Coq 1911: 31; Le Coq 1912: 147; Müller II: 20; Müller III: 13, 75; Orkun: 76; VATEC; Zieme 2012: 9; Zieme 2015: 86–87, 89, 100–101, 226], царских супруг, цариц, княгинь [Rybatzki: 508; VATEC; Wilkens: 423; Zieme 2015: 35–36, 226], супруг [Дыбо: 792; EDT: 129, 231, 515, 616, 635; Ercilasun: 238; Erdal 2004, с. 180, 186; Gabain 1959: 31–33; Müller II: 23; Müller III: 42, 81; Thomsen 1912: 197; Wilkens: 423], знатных женщин [Ecsedy: 88; Erdal 1993: 99; Erdal 2004: 384; Niu Ruji: 232–233] и просто женщин [EDT: 219, 927, 970; Erdal 2004: 183; Golden 2024: 46; Müller III: 22, 75, 78–79, 82; Wilkens: 423; Zieme 2015: 173, 273]. Махмуд Кашгарский определял *qunčij* как «женщину благородного происхождения или принцессу (*sayyida*), на одну ступень ниже хатун; говорят: *qatun qunčij*» [CTD: 274]. Ф. Рыбацкий дал подробную сводку словоупотреблений *qunčij* в уйгурских памятниках, охватывающую широкий спектр значений: «принцесса» («княжна»), «княгиня», «царица», «царская супруга», «знатная женщина», «жена, супруга», «младшая жена», «женщина» [Rybatzki: 508–509]⁴⁴. Как видим, достаточно последовательно прослеживаются аспекты «знатности» и «супружества», хотя и они могут оказаться отброшенными (в значении «женщина»). Отличительная черта уйгурского периода – «снижение» термина *qunčij* для обозначения женщин вообще, не знатных и не жен. Для уйгурского времени даже Клосон делал уступку и в некоторых случаях переводил *qunčij* как «женщина», а не «же-

⁴² Эрдал полагает, что в Е 12 он может означать жену умершего [Erdal 1993: 98]. *Qatun* также обозначает супругу в таласских надписях [Батманов: 10, 14–16, 47; Малов 1951: 74–75; Малов 1959: 59, 98]. Со временем это слово стало широко распространенным обозначением жены в тюркских языках.

⁴³ Которое все-таки нельзя исключить.

⁴⁴ В целом, складывается впечатление, что под *qunčij* почти всегда подразумеваются знатные семейства (или претендующие на статус быть таковыми). Даже в тех случаях, когда имеются в виду просто женщины или жены, присутствует некий оттенок «благородства».

на». Было ли вызвано это явление какими-то историческими обстоятельствами, или причина в том, что уйгурский корпус памятников более многочислен и разнообразен, чем рунический, и потому в нем сохранилось больше разных контекстов, сказать трудно. Возможно, распад крупных империй и переход к оседлой жизни породил известную девальвацию прежней терминологии.

Полного вытеснения одного значения другими не происходит, они сосуществуют. Сохраняются как самые высокие значения («супруга правителя»), так и самые обыденные («женщина», «жена»). В уйгурских памятниках иногда бывает трудно уловить точное значение *qinčij* – оно как бы колеблется между несколькими вариантами, например, между «князьями/княгинями» и «мужьями/женами»⁴⁵. В немецких переводах эта неясность сглаживается использованием термина *Frau*, который значит и «женщина», и «жена», и «госпожа». В русском языке в прошлом слово *жена* также указывало и на женщину, и на супругу, однако сейчас такое его употребление только запутало бы дело.

В триаде значений *qinčij* происходило расширение⁴⁶ и «снижение» значений ее отдельных частей. Данный титул мог приобретать значение «знатная женщина» или «супруга». Дальнейшим результатом обособления двух названных значений стало выделение из них общего значения «женщина», с утратой аристократического и матримониального аспекта. Возможно, какой-то отголосок престижности, статусности в термине *qinčij* сохранялся даже в этом предельном случае, но он уже не был связан с реальными функциями. В ряде случаев титул *qinčij* становился частью личного имени. Все случаи подобного словоупотребления зафиксированы в позднейших памятниках, и можно предположить, что зачатки этих тенденций появились уже в «орхонский» период.

Специфика уйгурского словоупотребления термина *qinčij* была, вероятно, обусловлена исторической ситуацией, в которой происходило становление и развитие уйгурских государств. Уйгуры, бежавшие на юг после разгрома Уйгурского каганата в 840 г., принесли с собой традиции этого каганата, восходившие, в свою очередь, к традициям каганата Тюркского. Это были в какой-то степени еще традиции ранней, «орхонской» эпохи. У них, в частности, полностью сохранялась триада значений титула *qinčij*. Возможно, этому способствовали продолжавшиеся тесные политические и культурные контакты с Китаем и после ухода уйгуров из Монголии. При этом, однако, происходило обособление отдельных значений *qinčij*, порождавшее характерный уйгурский «букет значений». Было ли это наследием уже ранней эпохи или обуславливалось ослаблением центральной политической власти у уйгуров Таримского бассейна, приведшим к девальвации титулатуры, неясно. Можно предположить, что сочетались обе тенденции.

Обращает на себя внимание то, что, по-видимому, не происходило обособления значения «незнатная дочь/родственница»⁴⁷. Это может объясняться процессом, схожим с таковым уже в тюркских империях в Монголии, когда титул *qinčij* применялся по отношению к дочерям и иным родственникам правителя,

⁴⁵ Допустимы и переходные варианты типа «супруга знатного происхождения».

⁴⁶ Ширин Усэр называет его «обобщением (genelleşme)» [Şirin User: 285].

⁴⁷ Хотя можно допустить использование в качестве уважительного или ласкательного имени, как это было в позднейшие эпохи.

но не использовался (или мало использовался) по отношению к дочерям/родственницам бегов. Поскольку в этом своем значении он охватывал сравнительно узкий круг людей, не захватывая массу аристократии, то и процесса «дегенерации» с ним не случилось, так как для последнего необходимо более широкое бытование термина, как с *qunšij* в значении «супруга знатного лица». Это еще раз может подтвердить предположение, что у бегов титул *qunšij* распространялся через браки, а не через использование его для обозначения дочерей/родственников внутри семьи. Впрочем, этот тезис нуждается в дальнейшем исследовании.

Заключение

Итак, складывается следующая картина распространения термина *qunšij* в Центральной Азии. Первоначально этим титулом назывались дочери или родственницы китайского императора и князей, имевшие по рождению или получившие иным путем княжеское достоинство и выдававшиеся замуж за правителей или высших сановников кочевых государств с эпохи сюнну. Эта практика сохранялась и в ранний тюркский («орхонский») период, т. е. в эпоху Тюркского и Уйгурского каганатов. В самой тюркской среде данный титул стал обозначать как супруг, поскольку китайские княжны прибывали к тюркам именно в этом качестве, так и дочерей/родственников каганов (а, возможно, и других знатных лиц); княжеское достоинство могло быть также пожаловано правителем. Таким образом, сформировалась семантическая триада слова *qunšij*: «дочь/родственница правителя / знатного лица», «супруга правителя / знатного лица», «женщина княжеского достоинства», при этом в разные исторические периоды какое-либо из значений преобладало над остальными. Вероятно, практика выдачи каганских дочерей замуж за князей привела к распространению этого титула в среде аристократии, где он закрепился в значении «супруга». Данный процесс наглядно прослеживается в енисейских рунических надписях, хотя его истоки, по всей видимости, восходят к «орхонскому» периоду. В уйгурский период наблюдается расширение и «снижение» отдельных значений термина *qunšij*, в результате чего появляются дефиниции «знатная женщина» и «супруга», а потом и просто «женщина». При этом уйгуры сохраняют значения «супруга правителя / знатного лица» и «дочь/родственница правителя / знатного лица», что могло быть обусловлено как их имперским наследием, так и сохраняющимися тесными контактами с Китаем. Таков был путь титула *qunšij* в тюркской среде.

Литература

- Айдаров – *Айдаров Г.* Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата: Издательство «Наука» Казахской ССР, 1971. – 380 с. {*G. Aydarov. The Language of the Orkhon Monuments of Ancient Turkic Writings of the 8th Century.* – Alma-Ata: Publishing House “Nauka” of the Kazakh SSR, 1971. – 380 p.}
- Батманов И.А. – *Батманов И.А.* Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе: Илим, 1971. – 66 с. {*I.A. Batmanov. Talas Monuments of Ancient Turkic Writings.* – Frunze: Ilim, 1971. – 66 p.}
- Бернштам – *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI–VIII веков. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946. – 210 с. {*A.N. Bernshtam. The Socio-*

- Economic System of the Orkhon-Yenisei Turks in the 6th–8th Centuries. – Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1946. – 210 p.}
- Бичурин – *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. I. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. – 382 с. {*N.Ya. Bichurin. A Collection of Information About the Peoples who Inhabited Central Asia in Ancient Times.* – Vol. I. – Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950. – 382 p.}
- БКРС – Большой китайско-русский словарь (под ред. И.М. Ошанина). – Т. 2–4. – М.: Наука, 1983–1984. – 1112 с., 1106 с., 1062 с. {*Comprehensive Chinese-Russian Dictionary / Executive editor: I.M. Oshanin.* – Vol. 2–4. – Moscow: Publishing House «Nauka», 1983–1984. – 1112 p., 1106 p., 1062 p.}
- ДЛТ – *Махмуд ал-Кашгарй.* Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов) (под ред. И.В. Кормушина). – Т. 2. – М.: Наука–Восточная литература, 2016. – 512 с. {*Mahmūd al-Kāshgarī. Dīwān Lughāt al-Turk (Collection of Turkic Words) / Executive editor: I.V. Kormushin.* – Vol. 2. – Moscow: Publishing House “Nauka–Vostochnaya Literatura”, 2016. – 512 p.}
- ДТС – *Древнетюркский словарь.* Л.: Наука, 1969. – 677 с. {*Old Turkic Dictionary.* – Leningrad: Publishing House “Nauka”, 1969. – 677 p.}
- Дыбо – *Дыбо А.В.* Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков / Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка (под ред. Э.Р. Тенишева, А.В. Дыбо). М.: Наука, 2006. – 909 с. {*A.V. Dybo. Chronology of the Turkic Languages and Linguistic Contacts of the Early Turks / Comparative-Historical Grammar of the Turkic Languages. The Proto-Turkic Base Language. The Worldview of the Proto-Turkic Ethnic Group Based on Language Data / Executive editors: E.R. Tenishev, A.V. Dybo.* – Moscow: Publishing House “Nauka”, 2006. – 909 p.}
- Иннокентий – *Полный китайско-русский словарь* (под ред. епископа Иннокентия). – Т. 1–2. – Пекин: Издание Начальника Пекинской Духовной миссии/Типография Успенского монастыря духовной миссии, 1909. – 954 с., 1071 с. {*Complete Chinese-Russian Dictionary / Executive editor: Bishop Innocenty.* – Vol. 1–2. – Beijing: Chief’s Edition of Spiritual Mission in Beijing/Dormition Monastery of Spiritual Mission Printing House, 1909. – 954 p., 1071 p.}
- Кляшторный – *Кляшторный С.Г.* Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н. э. – I тысячелетие н. э.) / История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Издательство Филологического факультета СПбГУ, 2003. – 560 с. {*S.G. Klyashtorny. Forms of Social Dependence in the Nomadic States of Central Asia (Late 1st Millennium BC – 1st Millennium AD).* – Saint Petersburg: Publishing House of the Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2003. – 560 p.}
- Кононов – *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л.: Наука, 1980. – 179 с. {*A.N. Kononov. Grammar of the Language of Turkic Runic Monuments of the 7th–9th Centuries.* – Leningrad: Publishing House “Nauka”, 1980. – 179 p.}
- Кормушин 1997 – *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. – М.: Наука, 1997. – 304 с. {*I.V. Kormushin. The Turkic Yeniseian Epitaphs: Texts and Research.* – Moscow: Publishing House “Nauka”, 1997. – 304 p.}
- Кормушин 2008 – *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика. Текстология. – М.: Наука, 2008. – 344 с. {*I.V. Kormushin. The Turkic Yenisei Epitaphs. Grammar. Textology.* – Moscow: Publishing House “Nauka”, 2008. – 344 p.}
- Кормушин, Баттулга – *Кормушин И.В., Баттулга Ц.* Архананская надпись // Тюркологический сборник 2011–2012: Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. – М.: Наука–Восточная литература, 2013. – С. 204–219. {*I.V. Kormushin, Ts. Battulga. The Arkhanan Inscription // Tyurkologicheskii Sbornik/Turcologica 2011–2012: Political and ethnocultural history of the Turkic peoples and states.* – Moscow: Publishing House “Nauka–Vostochnaya Literatura”, 2013. – Pp. 204–219}
- Малов 1951 – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – 452 с. {*S.Ye. Malov. Monuments of Ancient Turkic Writing. Texts and Research.* – Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1951. – 452 p.}
- Малов 1952 – *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. – 118 с. {*S.Ye. Malov. The Yenisei Writing System of the*

- Turks. Texts and Translations. – Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952. – 118 p.}
- Малов 1959 – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. – 113 с. {*S.E. Malov.* Monuments of Ancient Turkic Writing in Mongolia and Kyrgyzstan. – Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. – 113 p.}
- МК – *Махмұд ал-Кашгарӣ.* Дивāн Лугāt ат-Турк (под ред. З.-А. М. Ауэзовой). – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с. {*Mahmūd al-Kāshgarī.* Dīwān Lughāt al-Turk / Executive editor: Z.-A.M. Auezova. – Almaty: Daik-Press, 2005. – 1288 p.}
- Мелиоранский – *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль Тегина. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1899. – 144 с. {*P.M. Melioranskiy.* Monument in Honour of Kül Tegin. – Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1899. – 144 p.}
- Палладий – Китайско-русский словарь, составленный архимандритом Палладием и старшим драгоманом П.С. Поповым. – Т. I–II. – Пекин: Типография Тун-вэнь-гуань, 1888. – 628 с., 666 с. + 69 с. {*Chinese-Russian Dictionary Compiled by Archimandrite Palladius and P.S. Popov, the Senior Dragoman.* – Vol. I–II. – Beijing: Tong-wen-guan Printing House, 1888. – 628 p., 666 p. + 69 p.}
- Радлов – *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. – Т II. – Ч. 1. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1899. – 1052 стлб. {*V.V. Radlov (=Radloff, Friedrich Wilhelm).* An Attempt at a Dictionary of Turkic Dialects. – Vol. 2. – Part 1. – Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1899. – 1052 p.}
- Радлов, Мелиоранский – *Радлов В.В., Мелиоранский П.М.* Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме / Сборник трудов Орхонской экспедиции IV. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1897. – 45 с. {*V.V. Radlov, P.M. Melioranskiy.* Ancient Turkic Monuments in Khöshö-Tsaidam / Collection of Works of the Orkhon Expedition IV. – Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1897. – 45 p.}
- Серегин, Тишин – *Серегин Н.Н., Тишин В.В.* Социальная история тюрков Центральной Азии (вторая половина I тыс. н. э.). – Часть 1: Очерки социальной структуры (по письменным и археологическим источникам). – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2017. – 344 с. {*N.N. Seregin, V.V. Tishin.* Social History of the Turks of Central Asia (Second Half of the 1st Millennium AD). – Part 1: Essays on Social Structure (Based on Written and Archaeological Sources). – Barnaul: Printing House of the Altai State University, 2017. – 344 p.}
- СДИ – *Словарь древнекитайских иероглифов* (под ред. Т.Н. Никитиной и В.П. Зайцева). – СПб.: Каро, 2009. – 344 с. {*Dictionary of Ancient Chinese Characters* / Executive editors: T.N. Nikitina, V.P. Zaytsev. – Saint Petersburg: “Karo” Printing House, 2009. – 344 p.}
- Стеблева 1965 – *Стеблева И.В.* Поэзия тюрков VI–VIII веков. – М.: Наука, 1965. – 148 с. {*I.V. Stebleva.* Poetry of the Turks of the 6th–8th Centuries. – Moscow: “Nauka” Publishing House, 1965. – 148 p.}
- Стеблева 1976 – *Стеблева И.В.* Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. – М.: Наука, 1976. – 215 с. {*I.V. Stebleva.* Poetics of Ancient Turkic Literature and its Transformation in the Early Classical Period. – Moscow: “Nauka” Publishing House, 1976. – 215 p.}
- СЦ – *Сыма Цянь.* Исторические записи (Ши цзи). М.: Наука – Восточная литература. – VI том (1992). – 485 с.; VIII том (2002). – 512 с.; IX том (2010). – 624 с. {*Sima Qian.* Records of the Grand Historian (Shi ji). – Vol. VI (1992), VIII (2002), IX (2010). – Moscow: “Nauka–Vostochnaya Literatura” Publishing House. – 485 p., 512 p., 624 p.}
- Тугушева – *Тугушева Л.Ю.* Тюркские рунические письменные памятники из Монголии. – М.: Инсан, 2008. – 192 с. {*L.Yu. Tugusheva.* Turkic Runic Written Monuments from Mongolia. – Moscow: “Insan” Publishing House, 2008. – 192 p.}
- ЭСТЯ – *Этимологический словарь тюркских языков.* Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ». – М.: Языки русской культуры. – Выпуск 1 (1997). – 364 с.; выпуск 2 (2000). – 261 с. {*Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common Turkic and Inter-Turkic Stems Beginning with «K», «Q».* – Issue 1 (1997), issue 2 (2000). – Moscow: “Yazyki russkoi kul'tury” [“Languages of the Russian Culture”] Publishing House. – 364 p., 261 p.}
- Arden-Wong – *L.A. Arden-Wong.* Preliminary Thoughts on the Marble Inscriptions from Karabalgasun // Journal of Inner Asian Art and Archaeology. – Vol. 6. – 2011. – Pp. 75–100.

- ATIM – *Radloff, Friedrich Wilhelm*. Die alttürkischen Inschriften aus der Mongolei [Древнетюркские надписи Монголии]. – St. Pétersbourg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, St. Petersburg, 1894–1895. – 460 S. {*W. Radloff*. The Old Turkic Inscriptions from Mongolia. – St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg, 1894–1895. – 460 p.}
- ATIM N.F. – *Radloff, Friedrich Wilhelm*. Die alttürkischen Inschriften aus der Mongolei. Neue Folge [Древнетюркские надписи Монголии. Новая серия]. – St. Pétersbourg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1897. – 181 S. {*W. Radloff*. The Old Turkic Inscriptions from Mongolia. New Series. – St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1897. – 181 p.}
- Aydın 2008 – *Aydın, Erhan*. Eski Türk yazıtlarındaki bazı yabancı öğelerin yazımı çerçevesinde eski Türk yazıtlarının yazımı üzerine notlar [Заметки по орфографии древнетюркских надписей с учётом присутствия в них некоторых иноязычных элементов] // *Turkish Studies*. – Vol. 3/6. – 2008. – SS. 112–124. {*E. Aydın*. Notes on the Orthography of Old Turkic Inscriptions Within the Framework of the Spelling of Certain Foreign Elements in Old Turkic Inscriptions // *Turkish Studies*. – Vol. 3/6. – 2008. – Pp. 112–124.} (In Turkish.)
- Aydın 2013 – *Aydın, Erhan*. Yenisey yazıtlarında kahramanlık tasvirleri [Героические образы в Енисейских надписях] // *Abant İzzet Baysal Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*. – Cilt 13. – 2013. – Yarmakan – Semih Tezcan’a Armağan. – SS. 29–37. {*E. Aydın*. Heroic Depictions in the Yenisei Inscriptions // *Abant İzzet Baysal Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*. – Vol. 13, 2013. – Yarmakan – Semih Tezcan’a Armağan. – Pp. 29–37.} (In Turkish.)
- Bang – *Bang, Willi*. Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut [Тюркологические письма из Венгерского института в Берлине] // *Ungarische Jahrbücher*. – Band V. – 1925. – SS. 231–251. {*W. Bang*. Turkological Letters from the Hungarian Institute in Berlin // *Hungarian Yearbooks*. – Vol. 5. – 1925. – Pp. 231–251.}
- Bang, Gabain 1929 – *Bang, Willi; Gabain, Annemarie von*. Türkische Turfan-Texte I. Bruchstücke eines Wahrsagebuches [Тюркские тексты из Турфана. I. Фрагменты Книги гаданий] // *Sitzungsberichten der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse XV* (1929). – 30 S. {*Bang, Willi; Gabain, Annemarie von*. Turkic Turfan Texts I: Fragments of a Divination Book // *Proceedings of the Prussian Academy of Sciences. Philosophical and Historical Class XV* (1929). – 30 p.}
- Bang, Gabain 1931 – *Bang, Willi; Gabain, Annemarie von*. Analytischer Index zu den fünf ersten Stücken der türkischen Turfan-Texte. Sonderausgabe aus den Sitzungsberichten der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse [Аналитический указатель к пяти первым фрагментам тюркских текстов из Турфана. Специальное издание из «Отчётов о заседаниях Прусской академии наук». Философско-исторический класс]. XVII (1931). – 59 S. {*Bang, Willi; Gabain, Annemarie von*. An Analytical Index to the First Five Pieces of the Turkic Turfan Texts. Special Issue from the Proceedings of the Prussian Academy of Sciences. Philosophical-Historical Class. XVII (1931). – 59 p.}
- Baxter – *Baxter, William Hubbard*. A Handbook of Old Chinese Phonology. – Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 1992. – 922 p.
- Baxter, Sagart – *W.H. Baxter, L. Sagart*. Old Chinese: A New Reconstruction. – New York: Oxford University Press, 2014. – 431 p.
- Bazin – *L. Bazin*. Pre-Islamic Turkic Borrowings in Upper Asia: Some Crucial Semantic Fields // *Dio- genes*. Vol. 43. Issue 171. 1995. – Pp. 35–44.
- Bazylkhan – *Bazylkhan, Napil*. Türk Kağanlığı’nın askerî ve siyasî yapısı [Военное и политическое устройство Тюркского каганата] / 1st Congress “History of Turkic Statehood”. Collection of Materials. – Astana: Turkic Academy, 2024. – Pp. 278–301. {*N. Bazylkhan*. The Military and Political System of the Turkic Khaganate / 1st Congress “History of Turkic Statehood”. Collection of Materials. – Astana: Turkic Academy, 2024. – Pp. 278–301.} (In Turkish.)
- bitig.kz – *Türük Bitig* (<http://bitig.kz>)
- Brockelmann 1952 – *Brockelmann, Carl*. Zu den alttürkischen Inschriften aus dem Jenisseigebiet [К вопросу о древнетюркских надписях из Енисейского региона] // *Ural-altaische Jahrbücher* 24 (1952). – SS. 137–142. {*C. Brockelmann*. On the Old Turkic Inscriptions from the Yenisei Region // *Ural-Altaic Yearbooks* 24 (1952). – Pp. 137–142.}

- Brockelmann 1954 – *Brockelmann, Carl*. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens [Восточнотюркская грамматика исламских литературных языков Средней Азии]. – Leiden: Brill, 1954. – 429 s. {*C. Brockelmann*. A Grammar of the Eastern Turkic Languages Used in Islamic Literature of Central Asia. – Leyden: Brill, 1954. – 429 p.}
- Clauson – *G. Clauson*. Studies in Turkic and Mongolic Linguistics. – London and New York: Routledge Curzon, 2002. – 261 p.
- Cleaves – *F.W. Cleaves*. The Sino-Mongolian inscription of 1362 in memory of Prince Hindu // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – Vol. 12. – No. 1/2. – 1949. – Pp. 1–133.
- CTD – *MAḤMŪD al-KĀŠGARĪ*. Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luḡāt at-Turk). Edited and Translated with Introduction and Indices by Robert Dankoff in collaboration with James Kelly. – Cambridge, Mass.: Harvard University Printing Office. Part I (1982). – 416 p.; II (1984). – 381 p.
- DeFrancis – *J. DeFrancis*. ABC Chinese-English Comprehensive Dictionary. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2003. – 1439 p.
- Doerfer – *Doerfer, Gerhard*. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen [Турецкие и монгольские элементы в новоперсидском языке]. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH. – B. III (1967). – 670 s. {*G. Doerfer*. Turkish and Mongolian Elements in Modern Persian. – Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH. – Vol. III (1967). – 670 p.}
- Ecsedy – *Ecsedy, Hilda* (=Ecsedy, Ildikó). Old Turkic Titles of Chinese Origin // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Vol. XVIII, No. 1/2 (1965). – Pp. 83–91.
- EDT – *G. Clauson*. An Etymological Dictionary of pre-thirteenth-century Turkish. – Oxford: Clarendon Press, 1972. – 989 p.
- Ercilasun – *Ercilasun, Ahmet Bican*. Başlangıçtan yirminci yüzyıla Türk dili tarihi [История турецкого языка с древнейших времён до XX века]. – Ankara: Akçağ Yayınları, 2004. – 488 s. {*A.B. Ercilasun*. Turkish Language History: From Its Origins to the Twentieth Century. – Ankara: Akçağ Yayınları, 2004. – 488 p.} (In Turkish.)
- Erdal 1993 – *M. Erdal*. The runic graffiti at Yar Khoto // *Türk Dilleri Araştırmaları*. – Cilt 3 (1993). – Pp. 87–108.
- Erdal 2004 – *M. Erdal*. A Grammar of Old Turkic. – Leiden: Brill. 2004. – 575 p.
- Ergin – *Ergin, Muharrem*. Orhun âbideleri [Орхонские надписи]. – İstanbul: Boğaziçi Yayınları, 1975. – 191 s. {*M. Ergin*. The Orkhon Inscriptions. – Istanbul: Boğaziçi Publishing House, 1975. – 191 p.} (In Turkish.)
- Franzmann – *M. Franzmann*. Yangzhou and Quanzhou: Ongoing Research on Syro-Turkic Inscriptions / From the Oxus River to the Chinese Shores. Studies on East Syriac Christianity in China and Central Asia (ed. by Dietmar W. Winkler and Li Tang). – LIT Verlag Münster, 2013. – Pp. 103–114. (перевод сиро-тюркского отрывка/translation of the Syro-Turkic piece by: – A. van Tongerloo).
- Gabain 1950 – *Gabain, Annemarie von*. Alttürkische Grammatik [Древнетюркская грамматика]. – Leipzig: Otto Harrassowitz, 1950. – 357 S. {*Gabain, Annemarie von*. Old Turkic Grammar. – Leipzig: Otto Harrassowitz, 1950. – 357 p.}
- Gabain 1959 – *Gabain, Annemarie von*. Türkische Turfantexte X. Das Avadāna des Dāmons Ātavaka. Bearbeitet von Tadeusz Kowalski [Тюркские тексты из Турфана, ч. 10. Авадана демона Атаваки. Под ред. Тадеуша Ковальского] // *Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst*. – 1958, Nr. 1. – Berlin, 1959. – 60 S. {*Gabain, Annemarie von*. Turkic Turfan Texts X: The Avadāna of the Demon Ātavaka. Ed. by Tadeusz Kowalski // *Proceedings of the German Academy of Sciences, Berlin. Class for Languages, Literature and Art*. – 1958, No. 1. – Berlin, 1959. – 60 p.}
- Giles – *H. Giles*. A Chinese-English Dictionary. – London and Shanghai: Kelly & Walsh, 1912. – 1711 p.
- Golden 2013 – *P. Golden*. Courts and Court Culture in the Proto-urban and Urban Developments among the Pre-Chinbggisid Turkic Peoples / *Turko-Mongol Rulers, Cities and City Life* (ed. by David Durand-Guédy). – Leiden: Brill, 2013. – Pp. 21–73.
- Golden 2024 – *P.B. Golden*. Some Comments on the Türk Titles, in Particular Tëgin // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 26 (2021–2023) (ed. by P.B. Golden, R.K. Kovalev, J. Skaff, I. Zimonyi). – Wiesbaden, 2024. – Pp. 5–58.
- Hucker – *C.O. Hucker*. A Dictionary of Official Titles in Imperial China. – Taipei: Reprinted by Southern Materials Center, 1988. – 676 p.

- Johansen – *Johansen, Ulla. El und bodun [El и Bodun] / Memoriae munusculum. Gedenkband für Annemarie von Gabain (hrsg. von Klaus Röhrborn und Wolfgang Veenker). – Otto Harrasowitz Verlag: Wiesbaden, 1994. – SS. 73–84. {U. Johansen. El and bodun / A Memorial Volume for Annemarie von Gabain (ed. by Klaus Röhrborn and Wolfgang Veenker). – Otto Harrasowitz Verlag: Wiesbaden, 1994. – Pp. 73–84.}*
- Karlgren – *B. Karlgren. Grammata Serica Recensa. – Göteborg: Reprinted by Elanders boktryckeri aktiebolag, 1964. – 332 p. (In English.)*
- Katayama – *Katayama, Akio. Tariat Inscription / Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 (ed. by Takao Moriyasu and Ayudai Ochir). – Ōsaka: The Society of Central Eurasian Studies, 1999. – Pp. 168–176.*
- Le Coq 1911 – *Le Coq, Albert von. Türkische Manichaica aus Chotscho. I [Тюркские манихейские тексты из Хотчо/Кочо. Т. I] // Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. Anhang. Abh. VI (1911). – SS. 1–61. {Le Coq, Albert von. Turkish Manichaean Texts from Chotscho. Vol. 1 // Transactions of the Royal Prussian Academy of Sciences. Philosophical and Historical Class. Appendix. Treatise VI (1911). – Pp. 1–61.} (In German.)*
- Le Coq 1912 – *Le Coq, Albert von. Ein manichäisches Buch-Fragment aus Chotscho [Манихейский книжный фрагмент из Хотчо/Кочо] / Festschrift Vilhelm Thomsen zur Vollendung des siebenzigsten Lebensjahres am 25. Januar 1912. – Leipzig: Otto Harrassowitz, 1912. – SS. 145–154. {Le Coq, Albert von. A Manichaean Book Fragment from Chotscho / Festschrift in Honour of Vilhelm Thomsen on the Occasion of His Seventieth Birthday, January 25, 1912. – Leipzig: Otto Harrassowitz, 1912. – Pp. 145–154.} (In German.)*
- Ligeti – *Ligeti, Louis (=Ligeti, Lajos). Рецензия на: Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen [Тюркские и монгольские элементы в новоперсидском языке] // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – T. XXI, fasc. 1 (1968). – Pp. 119–130. {L. Ligeti. Review article on: Doerfer G. Turkish and Mongolian Elements in New Persian // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Vol. XXI, fasc. 1 (1968). – Pp. 119–130.} (In French and German.)*
- Maenchen-Helfen – *O.J. Maenchen-Helfen. The World of the Huns: Studies in Their History and Culture. – Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press, 1973. – 602 p.*
- MCED – *Mathews' Chinese-English Dictionary. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1972. – 1178 p.*
- MDBG – *Mobile Chinese English Dictionary (<https://www.mdbg.net>)*
- Menges – *Menges, Karl Heinrich. Die Türkischen Sprachen Süd-Sibiriens, III: Tuba (Sojон und Karagas), 2: Zur Charakteristik einer einzelnen sibirisch-türkischen Gruppe [Тюркские языки Южной Сибири, ч. III: язык туба (говоры сойон и карагас), 2: К характеристике одной сибирско-тюркской языковой группы] // Central Asiatic Journal. – Vol. 5, No. 2 (1959). – Pp. 97–150. {K.H. Menges. The Turkic Languages of Southern Siberia, Part III: Tuba (Soyon and Karagas), 2: On the Characteristics of a Specific Siberian Turkic Linguistic Group // Central Asiatic Journal. – Vol. 5, No. 2 (1959). – Pp. 97–150.}*
- Müller – *F.W.K. Müller. Uigurica II [Уйгурика II] // Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. 1910. – SS. 1–117.; Uigurica III. Uigurische Avadāna-Bruchstücke (I–VIII) // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. – Nr. 2. – 1922. – SS. 1–93. {F.W.K. Müller. Uigurica II // Transactions of the Royal Prussian Academy of Sciences. Philosophical-Historical Class. – 1910. – Pp. 1–117.; Uigurica III. The Uyghur Avadāna-pieces (I–VIII) // Transactions of the Royal Prussian Academy of Sciences. Philosophical-Historical Class. – No. 2. – 1922. – Pp. 1–93.}*
- Niu Ruji – *Niu, Ruji. Nestorian Inscriptions from China (13th–14th Centuries) / Jingjiao. The Church of the East in China and Central Asia (ed. by Roman Malek in connection with Peter Hofrichter). – Sankt Augustin: Steyler Verlag, 2006. – Pp. 209–242.*
- Orkun – *Orkun, Hüseyin Namık. Eski Türk Yazıtları [Древнетюркские надписи]. – Ankara: Yükseköğretim Kurulu Matbaası, 1994. – 962 s. {H.N. Orkun. Old Turkic Inscriptions. – Ankara: Printing House of the Higher Education Council, 1994. – 962 p.} (In Turkish.)*
- Osawa 1999 – *Osawa, Takashi. Qara-Balgasun Inscription II / Provisional Report of Researches on Historical Sites and Inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 (ed. by Takao Moriyasu and Ayudai Ochir). – Ōsaka: The Society of Central Eurasian Studies, 1999. – Pp. 143–145.*

- Osawa 2010 – *Osawa, Takashi*. On Functional Changes of Tamga and Nishan-signs in the Old Turkic Period / Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey (ed. by Joám Evans Pim, Sergey A. Yatsenko and Oliver T. Perrin). – London & Dover: Dunkling Books, 2010. – Pp. 307–337.
- Ölmez – *Ölmez, Mehmet*. Eski Türk Yazıtlarında Yabancı Ögeler (3) [Элементы иноязычного происхождения в древнетюркских надписях] // *Türk Dilleri Araştırmaları*. Cilt 9 (1999). – SS. 59–65. {*M. Ölmez*. Foreign Elements Found in Old Turkic Inscriptions (3) // *Türk Dilleri Araştırmaları*. – Vol. 9 (1999). – Pp. 59–65.} (In Turkish.)
- Pelliot 1912 – *Pelliot, Paul Eugène*. Kao-tch'ang, Qoço, Houo-tcheou et Qarâ-khodja [Као-тчанг, Кочо, Хоуо-чеу и Кара-ходжа] // *Journal Asiatique*. – Dixième série. – Tome XIX. – 1912. – Pp. 579–603. {*P.E. Pelliot*. Kao-tch'ang, Qoço, Houo-tcheou and Qarâ-khodja // *Journal Asiatique*. – Tenth Series. – Vol. XIX. – 1912. – Pp. 579–603.}
- Pelliot 1914 – *Pelliot, Paul Eugène*. Le version ouigoure de l'histoire des princes Kalyāṇamkara et Pāramkara [Уйгурский вариант истории о принцах Кальянамкаре и Папамкаре] // T'oung Pao. – Vol. XV. – 1914. – Pp. 225–272. {*P.E. Pelliot*. The Uighur Version of the Story of the Princes Kalyāṇamkara and Pāramkara // T'oung Pao. – Vol. XV. – 1914. – Pp. 225–272.}
- Poppe – *N. Poppe*. Introduction to Altaic Linguistics. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. – 301 p.
- Pulleyblank – *E.G. Pulleyblank*. Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. – Vancouver: University of British Columbia Press, 1991. – 488 p.
- Radloff – *Radloff, Friedrich Wilhelm*. Altuigurische Sprachproben aus Turfan [Памятники древнеуйгурского языка из Турфана] / Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. – Heft I. – SPb.: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1899. – SS. 55–83. {*F. W. Radloff*. Old Uyghur Language Samples from Turfan / Reports Concerning the 1898 Expedition to Turfan, Equipped by the Imperial St. Petersburg Academy of Sciences. – Fasc. 1. – St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1899. – Pp. 55–83.}
- Räsänen – *Räsänen, Martti*. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen [Опыт разработки этимологического словаря тюркских языков]. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969. – 533 S. {*M. Räsänen*. Towards an Etymological Dictionary of the Turkic Languages. – Helsinki: Finnish-Ugric Society, 1969. – 533 p.}
- Ross, Thomsen – *E.D. Ross., V. Thomsen*. The Orkhon Inscriptions: Being a Translation of Professor Vilhelm Thomsen's Final Danish Rendering // Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London, Vol. 5, No. 4 (1930). – Pp. 861–876.
- Rybatzki – *Rybatzki, Volker*. Die Personennamen und Titel der mittelmongolischen Dokumente: Eine lexikalische Untersuchung [Личные имена и титулы в среднемонгольских документах: лексическое исследование]. – Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. – 841 S. {*V. Rybatzki*. Personal Names and Titles in the Middle Mongolian Documents: A Lexical Study. – Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006. – 841 p.}
- Schuessler 1987 – *A. Schuessler*. A Dictionary of Early Zhou Chinese. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 1987. – 876 p.
- Schuessler 2007 – *A. Schuessler*. ABC Etymological Dictionary of Old Chinese. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 2007. – 656 p.
- Sertkaya, Harcavbay – *Sertkaya, Osman Fikri; Harcavbay, Sertkocauli*. Hoyto Tamir (Moğolistan)'dan yeni yazıtlar (ön neşir) [Новые надписи, обнаруженные в Хойто-Тамире (Монголия): предварительный отчет] // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı* – Belleten, 48 (2000). – SS. 313–346. {*O.F. Sertkaya., S. Harcavbay*. New Inscriptions from Hoyto Tamir (Mongolia): Preliminary Publication // Yearbook of Turkic Language Research – Belleten, 48 (2000). – Pp. 313–346.} (In Turkish.)
- Sims-Williams 2002 – *N. Sims-Williams*. Ancient Afghanistan and its invaders: Linguistic evidence from the Bactrian documents and inscriptions / Indo-Iranian Languages and Peoples (ed. by N. Sims-Williams). – Oxford: Oxford University Press, 2002. – Pp. 225–242.
- Sims-Williams 2007 – *N. Sims-Williams*. Bactrian Documents from Northern Afghanistan II: Letters and Buddhist Texts. – London: The Nour Foundation in association with Azimuth Editions, 2007. – 326 p.
- Skaff – *J.K. Skaff*. Sui-Tang China and Its Turko-Mongol Neighbors: Culture, Power, and Connections, 580–800. – New York: Oxford University Press, 2012. – 400 p.
- STEDT – *The Sino-Tibetan Etymological Dictionary and Thesaurus* (under the direction of J.A. Matisoff). – Berkeley, CA: The Regents of the University of California, 2015. – 1141 p.

- Šejḫ Sulejman – *Šejḫ Sulejman Efendi's Čagataj-Osmanisches Wörterbuch*. Verkürzte und mit deutscher Übersetzung versehene Ausgabe. Bearbeitet von Dr. Ignaz Kúnos. Mit Unterstützung der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. [Чагатайско-османский словарь Шейха Сулеймана Эфенди. Сокращённое и снабжённое немецким переводом издание. Под ред. д-ра Игнаца Куноша. При содействии Венгерской Академии Наук.]. – Budapest: Franklin-Társulat Nyomdája, 1902. – 201 S. {*Seykh Suleyman Efendi's Chagatai-Ottoman Dictionary*. Abridged and provided with German translations. Ed. by Dr. Ignaz Kúnos. Supported by the Hungarian Academy of Sciences. – Budapest: Franklin Society Printing House, 1902. – 201 p.}
- Şirin User – *Hatice Şirin User*. Runik Türk yazıtları çerçevesinde *katun ve kunçuy* [Понятия *katun* и *kunçuy* в контексте тюркских рунических надписей] / Ötüken'den İstanbul'a Türkçenin 1290 Yılı (720–2010). – İstanbul: İBB Kültür ve Sosyal İşler Daire Başkanlığı, 2011. – SS. 281–294. {*Şirin User, Hatice. Katun and Kunçuy in the Context of Runic Turkic Inscriptions / 1290 Years of the Turkish Language: From Ötüken to Istanbul (720–2010)*. – İstanbul: Directorate of Culture and Social Affairs, Istanbul Metropolitan Society, 2011. – Pp. 281–294.} (In Turkish.)
- Taşbaş – *A. Taşbaş*. Diplomatic Marriages between the Tang and Uyghur Dynasties // *Journal of Old Turkic Studies*. – Vol. 9, Issue 1. – 2025. – Pp. 164–182.
- Tekin 1968 – *T. Tekin*. A Grammar of Orkhon Turkic. – The Hague: Mouton & Co., 1968. – 419 p.
- Tekin 1983 – *T. Tekin*. The Tariat (Terkhin) Inscription // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Vol. XXXVII, No. 1/3 (1983). – Pp. 43–68.
- Tekin 1988 – *Tekin, Talât*. Orhon yazıtları [Орхонские надписи]. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Basım Evi, 1988. – 200 s. {*T. Tekin*. Orkhon Inscriptions. – Ankara: Turkish Historical Society Press, 1988. – 200 p.} (In Turkish.)
- Thomsen 1896 – *Thomsen, Vilhelm Ludwig Peter*. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées [Расшифрованные орхонские надписи.]. – Helsingfors: Imprimerie de la Société de littérature finnoise, 1896. – 224 p. {*V. Thomsen*. Orkhon Inscriptions: Deciphered Texts. – Helsinki: Finnish Literary Society Printing House, 1896. – 224 p.}
- Thomsen 1912 – *V. Thomsen*. Dr. M.A. Stein's Manuscripts in Turkish "Runic" Script from Miran and Tun-Huang – Published and Translated by VILHELM THOMSEN // *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. – Vol. 44, Issue 1. – 1912. – Pp. 181–227.
- Thomsen 1913–1918 – *Thomsen, Vilhelm Ludwig Peter*. Une lettre méconnue des inscriptions de l'Yenissey [Малоизвестная (недопонятая) буква из енисейских надписей] // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Vol. XXX, № 4. – 1913–1918. – Pp. 1–9. {A Little-Known (/Misconceived) Letter in the Yenisei Inscriptions // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Vol. XXX, No. 4. – 1913–1918. – Pp. 1–9.}
- Thomsen 1916 – *Thomsen, Vilhelm Ludwig Peter*. Turcica. Études concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibérie [Turcica. Исследования по интерпретации тюркских надписей, обнаруженных в Монголии и Сибири] // *Mémoires de la Société finno-ougrienne*. – Vol. XXXVII. – 1916. – 105 p. {*V. Thomsen*. Turcica. Studies on the Interpretation of Turkic Inscriptions from Mongolia and Siberia // *Memoirs of the Finno-Ugrian Society*. – Vol. XXXVII. – 1916. – 105 p.}
- Thomsen 1924 – *Thomsen, Vilhelm Ludwig Peter*. Alttürkische Inschriften aus der Mongolei in Übersetzung und mit Einleitung [Древнетюркские надписи Монголии: перевод и вступительная статья] // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – Bd. 78, 1924. – SS. 121–175. {*V. Thomsen*. Old Turkic Inscriptions from Mongolia, Translated with an Introduction // *Journal of the German Oriental Society*. – Vol. 78, 1924. – Pp. 121–175.}
- Vambéry – *Vambéry*⁴⁸, *Hermann* (=Vambéry, *Armin* =Bamberger, *Hermann*). Noten zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibiriens [Заметки о древнетюркских надписях Монголии и

⁴⁸ Традиционное написание фамилии – *Vambéry*, с первым долгим «á», в таком виде работу цитируют во многих изданиях (e.g., A grammar of Orkhon Turkic by Talât Tekin: p. 419; Michael Knüppel (Göttingen), Aloïs van Tongerloo (Geel): Zu den Korrespondenzen Ármin(ius) Vambéry's II: Korrespondenz mit Willi Bang[-Kaup] и др.). Однако на обложке издания по той или иной причине значится «*Vambéry*». – (Прим. ред.)

- Сибири]. – Helsingfors: Druckerei der finnischen Litteratur-gesellschaft, 1899. – 1–120 s. {*Vambéry* (=Vámbéry), *Hermann*. Notes on Old Turkic Inscriptions Found in Mongolia and Siberia. – Helsinki: Hinnish Literary Society Press, 1899. – Pp. 1–120.}
- VATEC – *Vorislamische alttürkische Texte: elektronisches Corpus* (<http://vatec2.fkidg1.uni-frankfurt.de>) {Pre-Islamic Old Turkic Texts Electronic Corpus} (In German.)
- Wiktionary – *Wiktionary* (<https://www.wiktionary.org>)
- Wilkens – *Wilkens, Jens*. Handwörterbuch des Altuigurischen [Справочный словарь древнеуйгурского языка]. – Göttingen: Universitätsverlag Göttingen, 2021. – 929 S. {*J. Wilkens*. A Handbook Dictionary of the Old Uyghur Language. – Göttingen: Göttingen University Press, 2021. – 929 p.}
- Zieme 2012 – *Zieme, Peter*. Some Notes on Old Uigur art and texts / Buddhism and Art in Turfan: From the Perspective of Uyghur Buddhism. *Buddhist Culture along the Silk Road: Gandhara, Kucha, and Turfan*. – Section II. – Ryukoku University, 2012. – Pp. 5–18.
- Zieme 2015 – *Zieme, Peter*. Altuigurische Texte der Kirche des Ostens aus Zentralasien [Древнеуйгурские тексты Церкви Востока из Центральной Азии]. – Piscataway, NJ: Gorgias Press, 2015. – 324 S. {*P. Zieme*. Old Uighur (/Uyghur) Texts of the Church of the East from Central Asia. – Piscataway, NJ: Gorgias Press, 2015. – 324 p.}